Найди меня

Автор:
Дж. Монро

Найди меня

Дж. С. Монро

Новый мировой триллер

Пять лет назад темной ночью Роза дошла до конца причала, посмотрела в воду и прыгнула. Она училась в Кембридже и была блестящей студенткой, но недавно потеряла отца и впала в депрессию…

Все эти годы Джар, парень Розы, не может забыть о ней. Он видит Розу везде – ее лицо в окне поезда, ее фигура на утесе. Неожиданная встреча в метро, полученное письмо и вдруг найденный тетей Розы дневник в корне меняют всю его жизнь.

Так ли все было на самом деле?

Мертва ли Роза?

И если да, то кто играет в игры с теми, кого она оставила?

Чем глубже он копает, тем сильнее запутывается. Ему открывается мрачный мир, в котором все не то, чем кажется… Джар оказывается в самом центре еще более серьезной загадки, разгадка которой должна пролить свет на события той темной ночи. Но не будет ли это расследование угрожать его собственной жизни?

Дж. С. Монро

Найди меня

J.S. Monroe

FIND ME

Copyright © J.S. Monroe, 2017

© Павлова И., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Хиллари

И пусть прошло в скитаньях много лет

В краях пустынных и краях холмистых, –

Я деву разыщу и обниму

И поцелуем губ коснусь искристых.

Уильям Батлер Йейтс

«Песня Энгуса-скитальца»[1 - Пер. Анны Блейз.]

Я нашла ее несколько минут назад в углу комнаты, с крылышками, поднятыми вверх и сложенными словно руки человека в молитве. Неужели, взглянув на мою жизнь, она предпочла скрыть от меня свою красоту? Я не могу винить ее за это.

Любовь к бабочкам я переняла от отца. Стоило одной из них залететь в дом, как он сразу же бросал все дела и спешил ее выпустить на волю. Вчера, когда мы

плавали на лодке, отец увидал перламутровку – так он назвал бабочку, севшую на парусный мешок и подставившую крылышки лучам яркого солнца. Отец подозвал меня, но, едва я приблизилась, как красавица вспорхнула и куда-то полетела. И мы лишь молча наблюдали за тем, как она, беспечная и храбрая, быстро уносится прочь – слишком далеко от суши, чтобы уцелеть и вернуться живой.

Как зовется моя сегодняшняя находка, я точно не знаю. Но мне хочется разомкнуть ее крылышки, чтобы привнести хоть немного красок в свою обесцвеченную жизнь. Только ведь это будет жестокостью, а ее и так уже предостаточно.

– Она просто отдыхает, – говорит отец. Я не видела, как он вошел, но его манера неожиданно появляться и подавать голос никогда не пугала меня. В последние недели он бывает здесь довольно часто, исчезая обычно так же тихо, как и появляется. – Характерная окраска нижней стороны крылышек помогает ей оставаться незамеченной.

Я постараюсь оставаться незамеченной и сохранить ту красоту, которая, быть может, у меня еще осталась, для Джара. И однажды – с помощью отца – я снова расправлю свои крылья под лучами яркого солнца.

Часть первая

1

Прошло пять лет с похорон Розы, но Джар распознал ее лицо сразу. Она стола на эскалаторе, движущемся вверх, а он спускался вниз, снова опаздывая на работу после очередной ночи на другом конце города. На обоих эскалаторах толпилось множество людей, но Джару казало, будто подземка принадлежит только им – им двоим, проезжающим друг мимо друга, и больше никому… Словно они с Розой – последние люди на этой Земле.

Первый порыв Джара – окликнуть ее, услышать, как ее звонкое имя разносится над невообразимым гулом, стоящим в подземке в час пик. Но он цепенел не в силах ни сказать, ни предпринять что-либо. И только провожал взглядом эскалатор, поднимающий Розу на поверхность Лондона. Куда она направляется? Где она была?

Биение его сердца резко участилось, а ладонь на черном резиновом поручне вдруг стала влажной от пота. Джар снова пытался позвать Розу, но ее имя застряло у него в горле. Она выглядела рассеянной и обеспокоенной чем-то. То ли не в настроении, то ли неважно себя чувствовала. От пышных волос на ее голове не осталось и следа. Теперь она была обрита наголо. Так это было странно и непривычно! Совсем не вязалось с тем образом, что хранила его память. И осанка у Розы уже не такая прямая, как ему помнилось. Словно ее придавил своим тяжким грузом старый рюкзак за плечами с цветастой сумкой для палатки, свисающей вниз. Одежда на Розе тоже была какая-то мешковатая: свободные, сродни шароварам Али-Бабы, брюки и куртка из флиса, неопрятная и явно не по размеру. Но Джар узнал бы ее силуэт даже по тени на кусте дрока. А зелено-голубые глаза, танцующие под нахмуренными бровями! И эти поджатые озорные губы…

Поглядев вниз, будто выискивая кого-то глазами, Роза сошла с ползучей ленты, вливаясь в поток идущих пассажиров. Мимо Джара в струе теплого ветерка пролетела газетная страница, кружась и складываясь сама собой. Не обращая на нее никакого внимания, Джар просканировал людей, следующих за Розой. Двое мужчин пробивались сквозь толпу, расталкивая народ со спокойной уверенностью во вседозволенности. А за ними, словно игральные карты, перетасовывались рекламные объявления.

Расстроенный, Джар оглядел со всех сторон кучку туристов, перекрывших ему путь; увы, одним его взглядом их было не рассеять. Разве путеводители по Лондону не предупреждают гостей города, что стоять на эскалаторе следует справа? Но Джар сдерживался, вспомнив собственную нерешительность в первые дни пребывания в Лондоне, по прилете из Дублина. Ну, вот, наконец он свободен! Как мальчишка, Джар перепрыгнул через балюстраду эскалатора, чтобы снова вернуться наверх. И уже не останавливаясь стремительно бежал по ленте, перескакивая через две ступеньки сразу.

«Роза! – выкрикивал Джар, приближаясь к турникетам. – Роза!» Но его голосу не хватало ни убедительности, ни достаточной твердости, чтобы кто-нибудь

обернулся на этот зов. Пять лет – большой срок… Джар прочесывал полный народу кассовый зал, но Розы там не находил. «Наверное, она свернула налево, в главный вестибюль Паддингтонского вокзала», – предполагал он.

Несколькими минутами раньше Джар, стесненный в средствах больше, чем следовало бы за неделю до зарплаты, проскользнул через турникет за спиной ничего не подозревавшего пассажира. Теперь ему предстояло повторить тот же трюк, пристроившись за пожилым мужчиной. Джар показал старику, куда прикладывается билет и прошел через турникет вместе с ним. Но легкость, с которой ему удается миновать детектор, не принесла ему ни удовлетворения, ни радости. Это была лишь жалкая уловка, прикрытая почтением молодости перед старостью!

Джар бежал дальше до тех пор, пока не оказался в самом центре главного вестибюля. Под высоким арочным сводом брюнелевского творения он останавился и, упираясь руками в колени, перевел дух. Где же Роза?

А затем он снова заметил ее – Роза направлялась к 1-й платформе, на которой готовился к отправлению поезд на Пензанс. Петляя между толкущимися на его пути людьми, Джар чертыхаясь и извиняясь не выпускает из вида ее рюкзак.

На пути был киоск с поздравительными открытками. (Когда-то открытки, купленные в таких вот киосках, они просовывали друг другу под двери комнат в студенческом общежитии – шутя и одновременно желая произвести впечатление.) Обогнув угол киоска, Джар наконец увидел не только рюкзак, но и саму Розу: проходя мимо вагонов первого класса вперед, она бросила быстрый взгляд назад через плечо. Инстинктивно Джар тоже обернулсяся. В их сторону направляются двое мужчин; один из них держит палец у уха.

Джар снова смотрел на платформу. Кондукторша дунула в свисток, призывая Розу отойти в сторону. Но та игнорировала пронзительное предупреждение, распахивая тяжелую дверь и сразу же захлопывая ее за собой с решительным грохотом, разносящимся по всей станции.

Теперь его очередь подойти к поезду. «Встаньте в сторону», – опять кричала кондукторша, а вагоны между тем приходят в движение.

Джар бросился к двери, но Роза уже шла по проходу в поисках места и извинялась, если задевала кого-то. Стараясь не отставать от набирающего скорость поезда, Джар видел, как она закинула рюкзак на полку и села у окна. Кажется, она наконец осознавала, что за оконным стеклом кто-то был. Но все-таки игнорировала его, устраиваясь поудобнее, а потом подбирая брошенную газету и переводя взгляд на багажную полку.

Поезд двигался уже слишком быстро, однако Джар на бегу все же успел шлепнуть по стеклу вагона ладонью. Роза подняла на него глаза – широко раскрытые, но не от радости, а от тревоги. А Роза ли это? Джар уже не был уверен. Она ведь даже бровью не повела. Ничем, ни единым намеком не показала, что знает его, что они когда-то любили друг друга, и эта любовь была смыслом жизни обоих. Джар спотыкался, замедлил шаг и остановился, глядя, как удаляется поезд, а она пристально смотрит на него – как незнакомка на незнакомца.

2

Кембридж, летний триместр 2012 г.

Я знаю, что мне не стоит этого писать – не следует оставлять по себе никаких записей, никаких «инверсионных следов в небе Фенленда», как сказала бы мой психотерапевт. Но я вела дневник всю свою жизнь, и мне так нужно с кем-нибудь поговорить.

Сегодня вечером я опять вышла в город с театральной группой. Похоже, я получу роль Гины Экдал[2 - Персонаж драмы Г. Ибсена «Дикая утка». – Здесь и далее примеч. пер.], если захочу. И я продолжаю себе твердить, что делаю всё это ради отца.

Ну да, конечно, не совсем всё. Когда мы сначала зашли в паб, я позволила себе лишнего. Свечи на столах пылали как распятия – красивые и, пожалуй, пророческие. Но это было не то, на что я надеялась. Кажется, я расцеловала Сэма, режиссера, и, наверное, еще Бет, играющую м-с Сорби. Я бы набросилась с

объятиями и поцелуями на всю труппу, если бы не вмешалась Элли.

Я не буду повторять свою попытку, но я настроена выжать из того времени, что мне отведено здесь, по максимуму. Я знаю эту публику, я знаю эту жизнь. Это не мое, но все же лучше моих первых двух триместров («Михайлова триместра» и «Великопостного триместра», как отец настоятельно просил меня называть их. Только я придерживаюсь названий по сезонам). Сойтись не с теми людьми очень легко; гораздо труднее потом отделаться от них, никого не оскорбив и не обидев своим высокомерием.

Выйдя из паба, мы отправились поесть, хотя я вовсе не была голодна. Понятия не имею, куда мы забрели – в какой-то ресторанчик у реки. А я все еще была изрядно пьяна, пока не подошел момент расплачиваться.

И именно в тот момент я увидала его. Почему сейчас, когда у меня осталось так мало времени? Почему не в мой первый триместр?

Он обходил столик, принимая оплату с каждого из нас. Один счет, поделенный на четырнадцать человек, – можете себе такое представить? Но этот парень не жаловался и не ворчал; он не выказал никакого недовольства, даже когда не прошел платеж по моей карточке.

– Аппарат барахлит, – произнес он так тихо, что я едва расслышала его слова. – Мы вне зоны. Вам лучше пройти к кассе.

– Что? – переспросила я, глядя на него. У меня рост немаленький, но этот парень был высокий и здоровый – прям как медведь, только с гладко выбритым подбородком и легким провинциальным ирландским акцентом.

Он наклонился ко мне так, чтобы никто не услышал наш разговор. Его дыхание было теплым, а тело пахло чистотой. Сандалом, быть может.

– Нужно попробовать прокатать вашу карточку еще раз, ближе к кассе.

Во взгляде, который он бросил на меня, сквозила то ли добрая, то ли снисходительная, но убеждающая улыбка, заставившая меня подняться из-за столика и последовать за ним к кассе. И мне понравились его большие чистые

руки и сдержанное кольцо на большом пальце. Хотя этот парень с тесно сомкнутыми губами и широким нижним овалом лица, резко заострявшимся в подбородке, вовсе не был моим «типажом».

Выбрав момент, когда нас никто не мог услышать, он обернулся и уже более громким голосом сказал, что моя карточка была отклонена.

– Мне рекомендовали изъять вашу карту и разрезать ее. – Тут парень ухмыльнулся. И эта ухмылка мгновенно изменила его крупное лицо: оно прояснело и стало более пропорциональным; подбородок смягчился, а скулы приподнялись.

– И как мы поступим? – спросила я, радуясь тому, что эту ситуацию нам придется расхлебывать вместе. Со дня приезда у меня было туго с деньгами, а сейчас я и вовсе на полной мели.

Парень посмотрел на меня сверху вниз и, как мне показалось, впервые осознав, насколько я пьяна. А затем бросил взгляд на наш столик.

– Труппа? – спросил он.

– Как вы догадались?

– Никто из них не оставляет чаевых.

– Может быть, они оставят их наличными от всего столика, – сказала я, вдруг встав на защиту своих новых друзей.

– Что ж, это будет впервые.

– Сразу видно, что вы не актер, – сказала я.

– Да, я не ак-тер, – подтвердил парень, выговорив второй слог так, что он стал созвучным со словом «ор». И от этого я почему-то почувствовала себя смущенной и сконфуженной.

– А что вы делаете, когда не задеваете моих друзей? – переспросила я.

– Я учусь.

– Здесь, в Кембридже?

Это был глупый и несколько надменный вопрос, и парень даже не подумал отвечать на него.

– Я также немного пишу, – вместо этого произнес он.

– Чудесно, – брякнула я.

Но уже не слушала его. В моем мозгу снова зароились мысли о своей доли в счете и полном отсутствии денег для ее оплаты. Как же мне не хочется, чтобы кто-либо из труппы узнал, что у меня за душой нет ни гроша. (Пусть для студентов это и норма.) И в то же время я не могу им признаться, что мои финансовые затруднения – как и все мои прочие сложности – скоро закончатся. Я не могу сказать об этом вообще никому.

– Моих чаевых от других гостей заведения хватит, чтобы уплатить за вас, – произнес парень.

На мгновение я лишилась дара речи.

– А почему ты хочешь это сделать? – От неожиданности я даже тыкнула ему.

– Потому что мне показалось, что вы впервые тусите с этими людьми и пытаетесь произвести на них впечатление. Неспособность расплатиться может стоить вам роли. А я уже нацелился прийти посмотреть на вашу игру. Ибсен хорош, вы же знаете.

Мы молча посмотрели друг на друга. А потом он подхватил меня за локоть – меня уже сильно покачивало и начинало мутить.

– С вами все в порядке? – уточнил парень.

– Вы можете отвезти меня домой? – Тон моего голоса – невнятный, просительный – прозвучал как-то неправильно, как будто это сказала не я, а кто-то другой.

– Мне еще час работать. – Парень перевел взгляд на Элли, приближавшуюся к нам. – Мне кажется, вашей подруге нужно на свежий воздух, – сказал он ей.

– Роза расплатилась? – спросила Элли.

– Да, все в порядке. – С этими словами парень вернул мне карточку.

И это все, что я могу вспомнить. Я даже не узнала, как его зовут. У меня в памяти осталось лишь первое впечатление: мужчина, не подгоняемый миром, проживающий жизнь в своем собственном размеренном темпе, идущий в ногу со своим временем, как сказал бы отец. Но под личиной размеренности и спокойствия таится неистовость, тщательно обуздываемая страстность. Или я так думаю только потому, что мне так хочется думать?

Теперь меня гложет стыд. Ни у кого из нас нет больших денег, но этот ирландский писатель, подрабатывающий в ресторане, ни на что не жаловался и без всякого неудовольствия обслуживал скупящихся на чаевые студентов, чтобы оплачивать свои счета. Да еще и помог мне – совершенно неплатежеспособной, умудрившейся в считаные дни обнулить свою кредитку.

Часть меня – причем, бо?льшая часть – надеется увидеть этого парня снова. Но я не хочу вовлекать его в то, что меня ждет впереди. Я все еще боюсь, что приняла неверное решение, хотя другого выхода не вижу.

3

Джар сидел за своим рабочим столом, читая извинения от коллег, которым тоже, как и ему, не удалось поприсутствовать на очередном совещании. Совещания проводятся в девять тридцать утра каждый день. И каждый день Джар удивлялся нахальству и изобретательности, с которой другие люди оправдывали свое отсутствие на них. На какие уловки они только не шли! Вчера, например,

Тамсин в сообщении по электронной почте отписалась, что опоздает, потому что пожарной бригаде пришлось спасать ее из ванной. Но ее выдумка насчет пожарников раскрылась сразу, как только она заявилась – с пылающим лицом и блузкой, застегнутой не на те пуговицы.

Сегодняшние объяснения были более прозаичные. У Бена стиральная машина залила пол на кухне. Клайв обвинял корову на путях, из-за которой опоздал его поезд из Хартфордшира. Жасмин написала просто: «Вышла из дома без кошелька, пришлось возвратиться». Гораздо в лучшей форме Мария: «Муж съел бутерброды, приготовленные детям в школу; придется делать им другие». «Не плохо!», – думал Джар. Видно, сказывается огромный опыт за ее плечами. И все же ни одно из этих объяснений не сравнится с непревзойденным оправданием Карла, которое он написал прошлым летом: «Мне нужно прийти в себя после Гластонбери. Задержусь на несколько дней».

Карл был единственным союзником Джара на работе и после нее, неустанно веселый, жизнерадостный, всегда готовый пропустить кружку пива и никогда не снимающий с шеи наушники. (Надумав устроить чаепитие на работе, он обходил офис, показывая руками латинскую букву «Т» и сигнализируя всем, что пришло время прерваться на чай.) А когда Карл не ведет музыкальный канал на сайте, посвященном искусствам, который они делают вместе с Джаром, то выступает в роли джанглового MC, рассказывая всем, кто готов его слушать, что джангл – не ретро и никогда не выходил из моды, а сейчас и вовсе популярен как никогда. Карл также питал нездоровое пристрастие к компьютерам, частенько забывая, что Джара не интересуют ни разработка приложений, ни парадигмы программирования.

Просмотрев извинительные отписки коллег, Джар попытался объяснить свое собственное опоздание. Только как оно будет воспринято? Да и как могут непосвященные люди истолковать такие слова: «Я только что в подземке увидел свою девушку из универа, покончившую жизнь самоубийством пять лет тому назад. Мне все твердят, что я всё надумываю, что надо жить дальше, двигаться вперед, но я-то знаю, что она жива! Она живет как-то, где-то – не знаю. И я не перестану искать ее, пока не найду. Она не готова была умереть».

Джар рассказал обо всем только Карлу. Никого больше он в свои дела посвящать не собирался. Он знал, что о нем думали другие. Точнее, гадали: что этот молодой и уже премированный ирландский писатель, первый сборник рассказов которого, если и не имел коммерческого успеха, то был замечен критиками,

делает в седьмом круге офисного ада в Энджеле, придумывая в погоне за количественными показателями трафика сомнительные кликбейты о Майли Сайрус? К сожалению, первым блоком, который ему предложили проработать, был блок о писателях: десяти авторах, утративших былую харизму. И иногда Джар задается вопросом – а была ли харизма когда-нибудь у него самого?

В последние месяцы он видел Розу все чаще: то за рулем проезжающей мимо машины, то в пабе, то на верхнем этаже автобуса № 24 (на одном из передних мест, где она садилась всегда, когда были в Лондоне и ехали в Камден). У его видений есть вполне определенное название: по мнению их семейного врача в Голуэе, это не что иное, как «галлюцинации после тяжелой утраты близкого человека». У отца Джара были другие идеи на этот счет; он частенько – возбужденно и пространно – рассуждал о банши, небесной женщине-призраке из ирландской пророческой поэзии. Сколько раз его одергивала мать: «Как ты можешь быть таким бесчувственным сейчас!» Но Джар не брал это в голову. Он был близок с отцом.

После смерти Розы Джар много времени провел в своем доме в Голуэе, пытаясь осознать происшедшее и отыскать в нем смысл. Его отец владеет баром в Латинском квартале. И они часто засиживались там допоздна, обсуждая его видения, особенно одно – на побережье Коннемары. (Точнее, говорил всегда один Джар, а отец только слушал.) Некоторые из этих видений были порождены ложными тревогами, и Джар это понимает. Но другие он не может ни объяснить, ни выбросить из головы…

– Ты похож на смерть, дружище, – заявил Карл, плюхаясь в свое кресло так, что сиденье под ним издает плаксивый свист. – Опять видел призрак?

Джар ничего не отвечает приятелю, пока тот ждет, когда загрузится его компьютер.

– Господи, дружище, прости, – пробормотал Карл, перебирая на своем столе диски. – Я подумал…

– Я купил тебе кофе, – перебил его Джар, передавая Карлу латте. Он не хотел продлевать замешательство друга.

Карл был немного полноват; его детское лицо украшала копна светлых, заплетенных в дреды волос и улыбка херувима. Правда, у него имелась одна раздражающая Джара привычка – сокращать слова в электронных посланиях («пож» вместо «пожалуйста», например) и перемежать свою речь такими словами, как «господи», «чудненько», и «лады». Но в нем гораздо меньше злобности и ехидства, чем у всех остальных знакомых Джара.

– Чудненько! – раздался ожидаемый возглас, и в воздухе повисает неловкая пауза.

– Что случилось? – первым прервал молчание Карл.

– Я сделаю сегодняшние дудлы, – сказал Джар, игнорируя его вопрос.

– Ты уверен?

– Это Ибсен. Мой старый приятель.

Они с Карлом по очереди писали статьи о текущих тематических рисунках Google. Для этого они должны были заходить на страничку австралийского Google в ночь перед публикацией, опережая спящий люд на целых одиннадцать часов. Но оба часто забывали это делать. Статьи загружались на веб-сайт, где их никто не мог увидеть, но отлично стимулировали трафик, поскольку люди тщетно кликали на приукрашенный логотип поисковика.

Получасом позже, загрузив об Ибсене даже больше информации, чем требовалось (преимущественно о Гине Экдал из «Дикой утки» и необыкновенном студенческом спектакле в Кембридже пять лет назад), Джар уже прятался с Карлом от моросящего дождя в улочке неподалеку от офиса, морща нос от запаха пива и куда более неприятного смрада испражнений, еще не выветрившихся там с прошедшей ночи.

– Типичный лондонский денек, – сказал Джар, заполняя молчание. Он понимал: Карл собирался с духом, готовясь завести разговор на щекотливую тему. И оглядывался по сторонам в поисках отвлекающего момента. – Ты смотри, какой «пиццаед»!

– Где? – тут же среагировал Карл.

Джар кивком головы указал на мужчину, который шел по тротуару на противоположной стороне улицы и разговаривал по мобильнику, держа его перед своим ртом горизонтально – как кусок пиццы. Карл и Джар наблюдали за ним, посмеиваясь. У них обоих был «пунктик» насчет людей, неловко обращающихся с мобильниками. Наблюдать за такими чудаками и вправду было забавно. Одни украдкой шептали что-то, прикрывая рот сложенной в пригоршню рукой; другие подносили мобильник то к уху, то ко рту. Но «пиццаеды» были их любимчики.

– Я знаю, это не мое дело, – все же заговорил Карл, прикуривая сигарету, как только очередной «пиццаед» исчез в толпе. Он зажимал сигарету своими пухлыми пальцами, большим и указательным – как ребенок, пишущий мелом. – Но, возможно, тебе стоит серьезней отнестись к своим видениям, ну ты понимаешь…

Пряча руки в карманах своей замшевой куртки, Джар отвел взгляд в сторону. Ему тоже хотелось закурить, но он пытался бросить. В который раз! Роза никогда не курила. Он вышел на улицу, чтобы составить Карлу компанию, дать ему понять, что его утреннее смятение и раздраженность развеялись. А заодно и увильнуть от совещания в одиннадцать часов.

– У меня есть на примете человек, способный тебе помочь, – продолжал Карл. – Психотерапевт. Консультирует людей, переживших тяжелую утрату.

– Тебя снова потянуло к могилам? – спросил Джар, припоминая Карлу его недавний печальный опыт «знакомства на похоронах». Движимый идеей о том, что на похоронах выделяются феромоны («полна страсть горя и полно горе страсти»), Карл побывал, иногда даже без приглашения, на множестве поминок в надежде найти там свою любовь – не обязательно вдову, а просто какую-нибудь смятенную, но соблазнительную особу в трауре.

– Она классная. Я бы с ней замутил, – признался Карл.

Джар бросил на друга удивленный взгляд.

– Да нет, ничего не вышло. Она всего лишь помогла мне с одной статьей.

– О «Тиндере»?

– Меня заинтересовали последние психологические исследования – о благотворном воздействии музыки в приемных психиатров. Под звуки старого, традиционного джангла люди могут расслабиться и разоткровенничаться гораздо больше.

– Или выпрыгнуть из окна, что более вероятно. – Джар взял паузу. А потом отнял у друга сигарету и глубоко затянулся. – Дело в том, что сегодня утром я уверился больше, чем когда-либо, что Роза жива.

– Но это была не она, ведь так?

– Может быть, и она. В том то и дело.

Какое-то время приятели стояли молча, глядя на дождь. «Надежда – вещь очень личная и очень хрупкая, легко убиваемая другими», – думал Джар, снова забирая у Карла сигарету и делая затяжку. Он не винил друга за скептицизм – он у него был в крови. Приятели уже собирались вернуться в офис, когда взгляд Джара привлекло движение: у окна в «Старбаксе» через дорогу садился высокий человек. Черный пиджак от «Норт фейс», приподнятый воротник, обычные каштановые волосы, невыразительные черты лица. Вполне себе заурядный тип. Если не считать того, что Джар его видел уже в третий раз за два дня.

– Ты узнаешь этого человека? – спросил он Карла, кивая на «Старбакс».

– Не могу сказать.

– Ручаюсь, он был прошлой ночью в пабе. И в моем автобусе вчера.

– За тобою опять следят?

Джара последнее время не покидало ощущение, будто за ним наблюдают. Он уже говорил об этом Карлу. И сейчас лишь кивал в притворном согласии: друг, наверное, опять поднимет его на смех. Так и есть. Карл ухмыльнулся:

– Дружище, а тебе известно, что каждый третий человек страдает паранойей?

– Всего то? А двое других?

– А двое других за ним наблюдают.

Джар пытался выдавить улыбку, чтобы показать Карлу, что с ним все в порядке – просто разыгралось воображение. Но у него не получалось.

– Знаешь, когда я увидал ее сегодня на эскалаторе, у меня возникло такое странное чувство… – Он замолчал, косясь на человека в черном пиджаке. – Ну, в общем… Розы здесь нет, Карл, но она существует. И она ищет путь, как вернуться назад.

4

Кембридж, осенний триместр 2011 г.

Вот уже две недели, как я приехала сюда. И, как никогда, скучаю по отцу. Я думала, что смена обстановки, новые впечатления помогут мне справиться с горем. Но этого не случилось. И даже туман «Недели первокурсников» не может застить мою подавленность. Мы составляли с отцом славный дуэт – как соль и перец, как Моркомб и Уайз (его любимое шоу). Такой близостью с отцом, что была у меня, не может похвастаться ни один из моих друзей. Две жизни, сплетенные вместе судьбой… Да, мы были с ним очень близки!

Как же я разозлилась в «Пикреле»[3 - Один из старейших пабов в Кембридже.]прошлой ночью, когда ребята начали говорить гадости про своих родителей. А потом одна девушка из общежития, живущая в соседней комнате и тоже изучающая английский, – эта вечно сонная Джоси из Джерси – накинулась на меня с расспросами. Естественно, настроение переменилось, когда я всё разъяснила. Ритм пьяного угара паба сбился; никто не знал, что мне сказать и куда отвести глаза. На какой-то миг я словно бы увидела себя сверху и задалась вопросом: а так ли отец видит все в эти дни?

Каких-то пять минут назад – до того, как я пробудилась от солнечного света, сочащегося сквозь тонкие общежитские занавески, – отец был все еще жив. И мы ездили с ним на ланч в Гранчестер[4 - Живописная деревушка на реке Кам в графстве Кембриджшир, недалеко от Кембриджа.]. Я намеревалась рассказать отцу освоих первых неделях в колледже, о клубах, в которые я вступила, о людях, с которыми познакомилась. А затем я вспомнила.

Отец часто мне рассказывал о Кембридже. Но приезжали мы сюда вместе только раз – летом, за неделю до его кончины (мне до сих пор не по себе писать такие слова). В тот день он был, как и всегда, неугомонный. Отец обладал невероятной охотой до жизни и быстрым, энергичным умом. Будь у него возможность, он объехал бы со мной весь Кембридж на своем складном велосипеде (на котором он ездил на работу). Или обежал бы его трусцой (физическое состояние отца позволяло ему заниматься горным бегом). Но вместо этого мы прогуливались с ним бодрым шагом, и я очень старалась не отставать от отца.

Он показывал мне колледж – «свой колледж», в котором во времена его молодости учились одни только парни. Можете себе такое представить? Приятно сознавать, что отец учился здесь до меня, гулял по тем же дорожкам, пересекал те же дворы, освященные вековой традицией. А затем он повел меня поплавать на плоскодонке. Только не надел свою соломенную шляпу.

Помнится, в тот день отец иногда затихал, что было для него совсем нехарактерным. А заметив в моих глазах немой вопрос, сослался на рабочие проблемы.

Сама я не расспрашивала, а он никогда не рассказывал о своей работе. Я знала только то, что она заносила нас в различные посольства по всему миру, главным образом в Южной Африке, и что отец работал в Политическом отделе МИДа, посылая в Лондон отчеты, которые, как он шутил, никто никогда не читал. Но последние два года он почти все время находился в Лондоне. Было ли это повышением по службе? Не уверена. Но командировки отца стали редкими и непродолжительными. А я стала уже достаточно взрослой, чтобы в его отсутствие заботиться о себе сама. И достаточно взрослой, чтобы сопровождать отца «при исполнении обязанностей» в столице. Я была с ним даже на приеме в саду Букингемского дворца в прошлом году. Отец пошел туда в той же спортивной куртке, в которой был в тот день на реке Кам.

– Я должен ехать в Индию, – произнес он, без необходимости наклонив голову, когда мы проходили под мостом колледжа Клэр.

– Везет тебе, – сказала я.

И тут же пожалела о своих словах. Ведь я знала, что он не любил уезжать надолго.

– Я отправляюсь в Ладакх, – добавил отец, улыбнувшись.

Он надеялся, что это как-то смягчит удар. Когда-то мы ездили туда вместе – в город Лех, и там просиживали в дешевых кафе на Чангспа-роуд, наблюдая за молодыми израильтянами, приезжавшими в город на мотоциклах «Энфильд Буллит» и пытавшимися найти в горах хоть какое-то успокоение после воинской службы. Возможно, это мое самое любимое место на всем белом свете. И я очень хочу когда-нибудь получить такую работу, которая мне позволит путешествовать по миру так же часто и много, как путешествовал мой отец.

Я заметила, как он кивнул на плоскодонную лодку, проплывавшую мимо нас в противоположном направлении. Впереди восседали горделивые родители, а их спины буравил взглядом нерадивый сыночек. Я уверена, что карьере отца помешало его упорное желание не разлучаться с единственным чадом. Он сам вырастил меня и поставил на ноги, за все время только раз или два прибегнув к помощи няни.

– Пообещай мне, что ты будешь активна и старательна в колледже, – попросил отец.

Помнится, мне не понравился тогда тон отца – в нем сквозило допущение, что его может не оказаться рядом, когда я поеду в Кембридж. Хотя, возможно, мою память искажает суждение задним числом. И все же, в тот солнечный день отец был явно сам не свой; более сдержанный, даже замкнутый, и шутил гораздо меньше, чем обычно.

– Вступай во все клубы и общества, – продолжил он с наигранной беззаботностью в голосе. – Пробуй всё, живи там полной жизнью. Лично я в один прекрасный вечер вступил и в партию лейбористов, и в партию консерваторов, и в социал-демократическую партию.

– А в гребле ты так поднаторел, потому что вступил в клуб лодочников?

– Я научился управлять плоскодонкой, чтобы произвести впечатление на твою мать. В нашу первую лодочную прогулку мой шест увяз в иле. А мне попросту не следовало сильно упирать на него, когда лодка плыла по течению.

– Ох, папа-папа! – воскликнула я с притворной укоризной.

Я видела, что воспоминания сделали его скорее счастливым, чем печальным. Уголки рта наморщила улыбка – в такой манере он всегда мне шептал на ухо всякие глупости, когда нужно было сохранять серьезность. «Буква «э» в слове «мэм» произносится, как «е» в «тотем». И не забудь сделать книксен», – такими словами отец напутствовал меня за секунду до того, как я оказалась перед королевой и мои шпильки увязли в торфяной почве букингемского сада.

А сейчас мне трудно себе даже представить, что можно улыбаться, думая о нем. И желание у меня только одно: свернуться комочком в этой узкой общежитской кровати и умереть.

5

Джар понял, что что-то не так, как только вышел из лифта. Дверь в его квартиру была приоткрыта, и темноту лестничной площадки прорезал острый треугольник света. От чего дыхание у Джара мгновенно участилось.

– Подожди здесь, – проговорил он Иоланде, которую целовал в лифте пару секунд назад.

Они познакомились в пабе, в конце Брик-лейн, куда Джар частенько захаживает после работы. В последние месяцы это уже вошло в привычку. После «галлюцинаций из-за тяжелой утраты» он искал умиротворения среди незнакомых людей. Ошибочная попытка направить свою жизнь в новое русло: в кругу незнакомцев Джар почему-то не так остро ощущал неверность своей памяти о Розе.

Он толкнул дверь вперед, но та во что-то упирается. С напором раскрывая дверь, Джар зашел внутрь, чувствуя, как в висках пульсирует кровь. Квартира – одна большая комната с кухонькой в дальнем конце и кроватью в противоположном – разграблена; по всему полу разбросаны книги, скинутые с книжных стеллажей, сплошь закрывающих стены. Часть полок просто сорваны с креплений и уныло болтаются в комнате, как поваленные ураганом деревья. Закрыв глаза, Джар попытался найти случившемуся рациональное объяснение.

Ночные кражи со взломом – не типичное явление в его квартале; в последних случаях подобных вторжений власти обвиняли подсевших на крэк наркоманов, тусующихся севернее Хаксни-роуд. У живущего этажом ниже фотографа по имени Ник Фара воры умыкнули на прошлой неделе компьютер. А из квартиры на шестнадцатом этаже, четырьмя этажами ниже, несколько дней назад кто-то вынес телевизор и стереофоническую систему. Тогда, поколебавшись, но все же решив предпринять хоть какие-то меры предосторожности, Джар спрятал свою двенадцатиструнную гитару под кроватью.

И вот сейчас он перешагнул через груды книг на полу, подхватывая отцовский томик книги «Больше чем игра» Кона Хулихана. Подсознательно Джар понимал, что ничего не пропало. У него нет того, за чем обычно приходят «эти» люди. Джар нагнулся возле кровати: футляр для гитары на месте. Он уже готов выпрямиться, но все же решает вытащить футляр. Ободренный его тяжестью, Джар положил футляр на кровать и открывает его. Гитара цела и невредима – еще одно подтверждение тому, что это не обычный взлом. Такую хорошую гитару, как у него, довольно легко можно продать, выручив неплохие деньги.

– Бьюсь об заклад, это не нормально, – заявила Иоланда, стоя в дверном проеме. Голос девушки звучит ровно, но Джар шокирован тем, как легко он о ней позабыл. – Может, мне вызвать полицию? – спросила Иоланда.

Джару надо было извиниться и распрощаться с ней еще в баре, а не приводить ее сюда. Она все же не совсем незнакомый ему человек. Иоланда привлекла внимание Джара, когда он в последний раз приходил повидаться со своим издателем – девушка прошла мимо него с коробкой книг, приготовленных для подписи автору. А сегодня вечером она оказалась в баре. И ему показалось невежливым не подойти и не заговорить с ней.

– Не стоит, – произносит Джар и, прежде чем убрать гитару в футляр, извлекает из нее нервный аккорд. – Ничего не украли.

– Откуда ты знаешь?

– Здесь нечего брать. – Джар резко защелкнул футляр и прошелся по комнате.

– Так много книг, – говорит Иоланда, наблюдая за ним.

«А завтра прибавятся еще две, – думает Джар. – «Лузеры» Колина Баррета как вознаграждение за статью о Дженнифер Лоуренс и «Зеленая дорога» Энн Энрайт за викторину об англо-ирландском бойз-бэнде «Уан Дирекшн». Тщетные попытки достичь в жизни хоть какого-то культурного равновесия. Джар выбегает из комнаты.

– Давай я помогу тебе прибраться, – предлагает Иоланда, уже стоя рядом с Джаром и кладя руку ему на плечо.

От этого прикосновения Джар вздрагивает. Она слишком хорошая, чтобы он вовлекал ее в свою жизнь. Он наблюдает за тем, как девушка подбирает валяющиеся книги, и тут в общем хаосе его взгляд выхватывает фотографию Розы. Откуда она взялась? Ее не должно здесь быть! Джар не хранит в своей квартире никаких вещей, напоминающих о Розе. Он взял себе это за правило. Неужели кто-то оставил ему этот снимок, как визитную карточку? Нет, – вспоминает Джар, – он использовал эту фотокарточку как закладку, когда был в Кембридже. Должно быть, она выпала из какой-то книги.

Наклонившись, Джар поднимает фото, всматриваясь в лицо Розы. Она всегда знала, как привлечь его внимание. До чего же она игрива на этом снимке: сидя за столом и глядя в камеру, грызет карандаш. За прошедшие пять лет Джар пересмотрел столько Розиных фоток, что уже начал подзабывать, как она выглядела в действительности. Тот образ, который теперь царит в его памяти, сформировали фотографии.

– Мне пора домой, – говорит Иоланда, заглядывая через его плечо.

Ее голос снова заставляет Джара вздрогнуть. Как долго он смотрел на фото Розы?

Джар понимает, что Иоланда заслуживает если не извинения, то хотя бы объяснения с его стороны. Но он не знает, с чего начать.

– Ладно, – бормочет он, отводя глаза под ее обличительным взглядом, в котором ясно читается: для нового свидания на одну ночь ты слишком плохо старался, дружок!

На мгновение Джар снова вскидывает глаза на Иоланду. В другую ночь, в другой жизни они бы уже занимались пьяной, вялой любовью, упав на постель после того, как он спел бы ей под гитару какую-нибудь ирландскую балладу – одну из тех, что ему часто доводилось слышать в своей старой спальне в Голуэе, куда сквозь щели в половицах их семейного бара проникал зычный отцовский голос.

– Извини. Давай я спущусь с тобой вниз и помогу поймать такси?

– Не беспокойся, все в порядке, – говорит Иоланда. – Правда.

Но Джар настаивает, и они спускаются вместе на лифте вниз в полном молчании.

– Ты очень сильно любил ее, да? – произносит Иоланда, когда подрагивающий лифт останавливается на первом этаже. – Она была счастлива, если знала это.

На улице девушка сама вызывает такси, но Джар дожидается, пока она сядет в машину и уедет в ночь – в Майл-Энд, так она вроде бы сказала. И только потом возвращается в свой многоквартирный дом с новым намерением. Или это страх? То, что случилось сегодня ночью в его квартире, означает, что кто-то – кто именно, он еще пока не знает точно – начинает воспринимать его всерьез. Кто-то, кто хочет выяснить, как много он узнал о Розе. И возможно, также попытается остановить его. До Джара доносится звук закрывающейся дверцы фургона. Он нажимает на кнопку двенадцатого этажа, но, когда двери лифта приходят в движение, выскальзывает из кабины. Не дожидаясь, пока пустой лифт поднимется вверх, Джар выходит через черный вход из дома и пересекает двор, направляясь к гаражным боксам.

За прошедшие годы он узнал, что паранойя – коррозийная болезнь, разъедающая, как кислота, грани его рационалистического сознания. Но в этот вечер Джар позволяет себе не сомневаться. Он уверен: в его квартире побывали не обычные воры-взломщики. Хаос был явно постановочный – устроенный уж

слишком методично для любителей крэка. В последние дни Джара не покидало ощущение, будто его преследуют: «провожают» с работы до самого дома, наблюдают из окон кофеен или пабов. Ощущение, которое ему до сих пор удавалось от себя отгонять. Но сегодняшняя ночь всё меняет.

Отодвинув засов на двери гаража, Джар заходит внутрь и зажигает светильник с лампой дневного света. Теперь он действует более здраво. Вряд ли это место тоже подверглось вторжению. И все же Джар вздыхает с облегчением, обнаружив гараж точно в таком состоянии, в каком он оставил его накануне. Джар садится за компьютер и, пока тот загружается, пристально оглядывает маленькое холодное помещение. Здесь, в гараже, ему всегда кажется, будто Роза совсем рядом.

На одной стене из шлакобетонных блоков висят, соединенные вместе, три морские карты североморского побережья Норфолка. На картах красным фломастером нанесены стрелки, указывающие направление течений; все отмели и пляжи, тянущиеся далеко на запад, до городков Бернем-Дипдейл и Ханстантон, обведены в кружочки. Рядом с морскими картами висит карта Кромера, выпущенная военно-геодезическим управлением Британии. Начертанные на ней зеленым карандашом линии направлены к фотографиям и кадрам камер видеонаблюдения, аккуратно прилепленным к примыкающей коммутационной панели.

Стена за компьютерным столом превращена в калейдоскоп из фотографий. Слева – снимки Розы с университета. Справа – его неподтвержденные видения после ее смерти; некоторые из них перечеркнуты. Ту девушку в Паддингтоне, которую он принял за Розу, Джар не сфотографировал. Вместо ее снимка он прикрепляет к стене фотографию вокзала, рисует на ней красным фломастером знак вопроса и добавляет дату.

Все, что связано с Розой, Джар хранит в этом гараже – в попытке соблюсти хоть какую-то видимость «нормальности» в остальной своей жизни. Здесь и бесчисленные запросы, которые он подавал согласно закону о свободном доступе к информации в колледж Святого Матфея (Розин колледж), полицию, больницу, и его переписка со следователем. А также личные вещи: ночная рубашка от «Маргарет Хоуэлл» (купленная ее тетей, когда Роза поступила в Кембридж), ее любимые духи (которые Роза нашла на рынке в Стамбуле), одна из забавных открыток, которую она однажды подсунула под его дверь в общежитии колледжа.

Приходя к нему в квартиру, люди думают, что он сумел взять себя в руки и продолжает жить дальше. И Джара это устраивает: он хочет, чтобы его знакомые считали, будто Роза осталась для него в прошлом. Никому из них не следует знать, что по-настоящему живым он ощущает себя не в квартире, а в этом насквозь продуваемом ветром гаражном боксе – в окружении образов той женщины, которую он любил сильнее, чем можно было вообще (как он думал до встречи с ней) любить другого человека. Если бы кто-нибудь застал его сейчас здесь, то наверняка бы принял за сталкера. В некотором смысле он им и является. С той только разницей, что женщина, за которой он охотится, умерла пять лет назад, прыгнув одной страшной ночью навстречу собственной смерти в 130 милях от его гаража – в Кромере, на североморском побережье Норфолка.

Джар проверяет личную электронную почту. Отец написал ему несколько строчек о матче по кёрлингу и прислал ссылку на его освещение в «Коннахт трибюн». В этом матче играл двоюродный брат Джара. «Конор зарабатывает очки на заднице! Скоро приедет к нам, па», – улыбается Джар, собираясь просмотреть рабочую почту. Но его взгляд привлекает другое сообщение в спаме.

Оно от Эми, Розиной тети, живущей в Кромере и занимающейся реставрацией картин. Эми и Роза всегда были близки, а после смерти Розиного отца связь между ними стала еще крепче. Роза часто ездила по выходным в этот приморский городок, радуясь возможности отрешиться на пару дней от суеты бурлящей кембриджской жизни.

Эми приглашала к себе и Джара, но встречи с ней давались ему с трудом. Причиной тому – до боли поразительное физическое сходство тети и племянницы. Эми тоже провела большую часть своей жизни на лекарствах, то впадая, то выходя из депрессий. И ее настроение явно поднималось всегда, когда рядом оказывалась Роза. Они любили сидеть при рассеянном солнечном свете в гостиной и вспоминать Розиного отца; и за этими тихими разговорами тетя обычно рисовала хной утонченные узоры на кистях и руках племянницы.

Джар не винит Эми за то, что случилось потом, и продолжает поддерживать с ней связь. Тем более что их отношения, как и отношения Эми и Розы, заметно укрепились после утраты – столь тяжелой для них обоих. Эми – союзница Джара, одержимая такой же паранойей, как и он; это единственный человек, кроме него, который не верит в смерть Розы. Ни объяснений своему неверию, ни теорий

на этот счет у Эми нет. Так ей подсказывает «шестое чувство». Но от этого обещающий тон ее электронного сообщения звучит только еще больше интригующе: «Джар, я пыталась дозвониться тебе, но не смогла. Мы тут нашли в компьютере кое-что, что тебе может быть интересно. Это связано с Розой. Я буду дома всю неделю, если захочешь приехать. Позвони мне».

Глядя на часы, Джар раздумывает, стоит ли звонить Эми прямо сейчас: уже поздно, но ему известно, что Эми страдает от бессонницы. Но затем Джар вспоминает, что поставил телефон на зарядку, да так и забыл в квартире. Решено: он позвонит Эми утром – из поезда в Норфолк. После сегодняшнего взлома ему не следует мешкать.

6

Кембридж, летний триместр 2012 г.

Прошла неделя с тех пор, как я увидала Его в ресторане. Пыталась ли представить себе нашу новую встречу? Может быть… Но мне и в голову не могло прийти, что я предстану перед ним на берегу реки Кам в чем мать родила. А именно так все случилось минувшей ночью, и я до сих пор не совсем понимаю почему.

По крайней мере, теперь я знаю имя этого парня. Его зовут Джарлаф Костелло, для друзей – просто «Джар». Он из Голуэя. Отец Джара владеет в этом городе баром, а мать работает в Баллинасло медсестрой по уходу за психически больными людьми. Джар готовится защищать магистерскую диссертацию на кафедре английской литературы нового и новейшего времени, а до этого изучал ирландскую литературу в Тринити-колледже в Дублине. Насколько я поняла, он на пару лет старше меня. И раз в десять рассудительней.

По окончании репетиции мы всей труппой пошли выпить в «Игл» – в тот самый паб, в котором в свое время Уотсон и Крик объявили пришедшим на ланч посетителям, что открыли «секрет жизни» – структуру ДНК. Позднее, когда уже начали сгущаться сумерки, трое из нас – Бет, Сэм, наш режиссер, и я – решили

прогуляться по Бэксу. Июньская ночь выдалась теплой, и почти полная луна светила достаточно ярко, чтобы отбрасывать тени.

– Никто не желает искупаться? – спросил Сэм, поглядев на меня.

Последние несколько дней он активно флиртовал со мною. Не скажу, что я была против этого, хотя мотивы моего поведения порой не понятны мне самой. Вокруг Сэма, как режиссера, уже сформировалась определенная аура – не высказываемое вслух, но единодушное мнение, что через несколько лет он станет крупной фигурой в реальном мире.

Бет заколебалась, видя мою реакцию. Я знала, что ей тоже нравится Сэм, но старалась не брать это в голову, решив почему-то, что симпатия к одному парню не должна стать препоной для укрепления наших отношений, которые я наивно считала дружескими. Я все еще пытаюсь доказать себе, что могу делать всё, что якобы должны делать студенты: участвовать в попойках, купаться нагишом, завязывать дружбу на всю жизнь, много и энергично заниматься сексом и иногда даже учиться.

Наверное, я затянула с ответом, потому что в следующее мгновение Бет сбросила с себя одежду и побежала по траве, сверкая в тусклом сиянии лунного света поразительной белизной своего тела – слишком пышного к тому же.

– Ну, давайте-же, вперед! – выкрикнула она, скорее себе, чем нам. Бет захватила инициативу, бросила вызов, а я не собиралась ей ни в чем уступать.

Больше не медля, я тоже помчалась к кромке реки, раздеваясь на бегу в тайной надежде, что так мое обнажение будет выглядеть менее зазорным. Я не оборачивалась, чтобы посмотреть, последовал ли нашему примеру Сэм. Я всего лишь хотела присоединиться в воде к Бет – как можно быстрее!

Я не чувствовала смущения, пока мои трусики не зацепились за палец на ноге и оставшиеся несколько ярдов до воды я преодолевала прыжками. И я заметила, что подняла больше брызг, чем Бет, и это меня разозлило. А затем я разозлилась еще больше из-за того, что обратила на такой пустяк внимание.

Вода в реке оказалась холодней, чем я ожидала, но я поплыла к Бет, которая лежала на воде под мостом Клэр, оглядываясь на Сэма.

– Он собирается купаться? – спросила я так безразлично, как только могла. На самом деле я хотела обернуться, но тогда бы Бет подумала, что мне – как и ей – тоже хочется увидеть Сэма голым.

– Как водичка? – поинтересовался Сэм, все еще одетый.

– Почему бы тебе самому ее не попробовать? – спросила Бет.

– Ваша одежда отсыреет на траве, – ответил Сэм, подбирая с земли кучки наших вещей. Странно, но я почувствовала большее смущение от того, что Сэм взял в руки мои трусики, чем от того, что он увидел меня голой. Но он сложил их быстро и умело, как мать, подбирающая для стирки белье с пола подростка, и направился к скамейке в стороне от воды.

Бет повернулась ко мне. Мне показалось, что она подумала то же, что и я: Сэм и не собирался купаться.

– Да ты струсил, Сэм, – выкрикнула Бет. – Испугался за свои яйца, как индюк! Большой жирный, трусливый индюк!

– Он бы мог оставить наши вещи там, где они лежали, – заметила я.

– Сэм просто устроил нам смотрины, – хмыкнула Бет, плывя назад к берегу.

Я замешкалась, глядя, как она вытаскивает из реки свой белый зад, с которого каплями стекает вода, а потом, виляя бедрами, неспешно направляется по траве к Сэму, сидящему на скамейке, рядом с узелками нашей одежды. Бэт не стремилась ни ускорить шаг, ни прикрыться.

Внезапно мне стало совсем не смешно. Мне совершенно не хотелось, чтобы Сэм разглядывал меня голую.

– Ты собираешься простоять в воде всю ночь? – спросил он.

«Если придется», – подумала я. Будь Бет настоящей подругой, она бы принесла мою одежду на берег. Игра была выиграна, и, одержав победу в своей

беззастенчивости, она могла бы проявить великодушие. Но Бет уже натянула на себя одежду и сидела рядом с Сэмом, а тот обнимал ее за плечи, согревая.

А затем я увидела, как они встают и, взявшись за руки, уходят.

– Увидимся в колледже, – бросила мне через плечо Бет. – Догоняй!

Да уж, конечно! Пытаясь не обращать внимания на холод, покрывший все мое тело мурашками, я окинула взглядом сказочный Бэкс, купающийся в лунном свете, и устремленный ввысь силуэт часовни Королевского колледжа. «Я должна была бы получать удовольствие от Кембриджа, от своего пребывания здесь, но этого не происходит», – подумалось мне. И это осознание заставило меня примириться с решением, которое я приняла. Я до боли скучаю по отцу.

Ниже по реке Кам, в Колледже королевы, проходил Майский бал выпускников. По реке разносился гул музыки и буйного студенческого веселья. Мне бы очень хотелось пойти на бал нашего колледжа и доказать себе, что я могу получать удовольствие от таких мероприятий. Но билет на бал стоит непомерно дорого. И хотя три парня готовы за меня заплатить, я еще раздумываю: их приглашение больше походит на сделку – билет в обмен на секс.

Я вернулась мыслями в тот день, когда отец повез меня кататься на плоскодонке – последний раз, когда я видела его живым. Он бы одобрил купание в реке, но не поведение Сэма и тем более Бет. Однако винить в происшедшем я могла только себя.

Внезапно я ощутила себя беззащитной и потерянной – моя одежда находилась слишком далеко от берега, чтобы чувствовать себя комфортно. Вдалеке я заметила компанию студентов, направлявшихся в мою сторону. И в этот момент я увидела Его – он шел надо мной, по мосту Клэр.

Я не усомнилась ни на мгновение: это был Джар. В лунном свете явственно вырисовывался его грузный большой силуэт. Засунув руки глубоко в карманы куртки, он отмеривал свой путь длинными, решительными шагами. В его походке сквозила явная целеустремленность: сам себе хозяин, он жил своей жизнью, а не стоял на месте, как я (в ожидании конца вопреки моему желанию не спешащему наступить).

Я озадачилась: стоит ли мне зайти глубже в воду в надежде, что он не заметит меня, или, наоборот, раскрыть свое присутствие, окликнуть его и попросить принести мне одежду?

– Эй, парень! – позвала я, впервые осознав, насколько я замерзла. Мне нужно было выбраться.

Джар откликнулся не сразу. Он прошел еще несколько шагов, а потом остановился и замер на месте, как будто раздумывал, где же он слышал мой голос, напряженно пытаясь извлечь нужное воспоминание из потаенного уголка памяти своего писательского мозга.

– Это я, та девушка, которая не смогла заплатить за ужин. – Рекомендация была, конечно, отвратительной, но ничего лучшего мне в голову просто не пришло.

После этих слов Джар наконец заглянул вниз, опершись руками на один из больших каменных шаров, установленных по обе стороны моста.

– Дайте-ка я угадаю, – сказал он, не выказав никакого удивления при виде меня, купающейся голышом в реке при лунном свете. – Это вживание в роль? Или такая необычная проба?

– Что-то вроде того. Только мне уже не хочется играть такую роль.

– Вы выглядите замерзшей.

– Вы не могли бы принести мою одежду? – От его замечания мне стало еще холодней, просто невыносимо холодно. – Она там, на скамейке.

– Вам повезло, что никто не приделал ей ноги.

Я поплыла к берегу, наблюдая за тем, как Джар спустился с моста, подошел к скамейке и подобрал мою одежду. У берега мы оказались одновременно.

– Я оставлю ваши вещи здесь, – сказал Джар и, силясь не смотреть в мою сторону, повернулся ко мне спиной.

На мгновение мне показалось, что я слишком замерзла, чтобы вылезти из воды. Мои руки болели, и после первой попытки я снова погрузилась в воду.

– Вы там как, в порядке? – так и не поворачивая головы спросил Джар, словно обращаясь к кому-то, кого он не мог хорошо разглядеть в темноте.

Я хотела попросить его о помощи, но это было бы слишком конфузливо. И вместо просьбы о помощи, я собралась с силами и выскочила из воды.

– Я в полном порядке!

Мы оба одновременно перевели взгляд на приближавшуюся компанию подвыпивших студентов, уже шедших по тропинке вдоль реки. Джар по-рыцарски встал между ними и мной. С молниеносной скоростью я натянула на себя одежду, не заморачиваясь с лифчиком и стараясь не обращать внимания на свист парней.

– Как нельзя вовремя. Все нормально?

– Чертовски холодно.

– Вот, возьмите, – сказал Джар, протягивая мне свою куртку. – Да берите же, – добавил он, поскольку я колебалась.

Я завернулась в его большую замшевую куртку, снова – как в ресторане – улавливая запах сандала. И мы пошли в сторону Королевского колледжа, все больше удаляясь от студентов, потерявших к нам всякий интерес.

Мы не обсуждали, куда мы идем. Я просто хотела пройтись и согреться, и Джара, похоже, это устраивало. Вскоре мы миновали Королевский колледж и вошли в городок, болтая о его доме в Голуэе, о его учебе в Тринити-колледже в Дублине и переезде в Англию. Пока мы разговаривали, я подсознательно оценивала все, что мы делали, взвешивала все за и против нашего дальнейшего общения, и никак не могла решить, стоит ли нам заканчивать вечер вместе или лучше разойтись каждому своей дорогой. На тот момент я еще была не готова принять решение. Оказалось, что Джар не только дописывал свою магистерскую диссертацию, но и начал недавно работать над романом. И в тот вечер вышел

прогуляться в попытке обдумать его концовку.

– Кто-то сказал мне однажды, что писать роман – все равно что рассказывать анекдот, – произнес Джар, когда мы шли по Хобсон-стрит. – Ты знаешь концовку, но добраться до нее можно разными путями.

– Но ты же еще не знаешь концовки…

– Мой отец очень любил телесериал «Два Ронни» и всегда включал его в своем пабе – если не смотрел Дейва Аллена. Его любимая сцена – когда малыш, сидя в большом кресле, рассказывал эти длинные и скучные анекдоты. Сам анекдот не имел значения, важно было, как он его рассказывал. А я думал, что концовка не важна.

– Так ты придумал концовку сегодня вечером? – спросила я.

– Пока только завязку, – ответил Джар. – Два моих главных героя пока только встретились.

7

Джар написал Эми в ответном послании, что ничего не хочет обсуждать по телефону, а приедет лично. И как раз сейчас он направляется на рейсовом автобусе из Кингс-Линна в Кромер. Он сел на вокзале Кингс-Кросс на самый ранний поезд, потратив все наличные из своего «резервного фонда» (хранившегося в старинном персидском чайнике – еще одной вещи, которую мнимые взломщики его квартиры почему-то не тронули).

При виде кромерского пирса Джар ощущает прилив адреналина. Такое происходит с ним теперь всегда. Пять лет назад камеры видеонаблюдения зафиксировали, как Роза в час ночи приближается к этой викторианской постройке, о железные опоры которой бьется суровое море. А вскоре после того в полицию позвонил неизвестный мужчина (его потом так и не нашли). Он заявил, что видел, как какой-то человек прыгнул с пирса в море. На место происшествия тотчас же прибыли службы экстренной помощи; в прибрежной

деревушке спустили на воду спасательную лодку. Но под кромерским пирсом всегда очень сильная волновая толчея, и течение в ту ночь было с востока на запад; оно могло отнести любого человека, оказавшегося в воде, в Северное море или хотя бы в Уош. И никаких записей, способных пролить свет на его судьбу, на установленных на пирсе и вокруг него камерах видеонаблюдения не сохранилось; к тому же часть из них оказалась вообще неисправной.

За прошедшие со смерти Розы годы Джар ездил в Кромер несколько раз – навестить Эми и постоять на этом пирсе. И всякий раз, когда он оказывался здесь, высоко над клокочущей мутной водой, Джар пытался себе представить, что же все-таки тогда произошло. Действительно ли женщина, которую он любил и которая, как он думал, любила его, решилась покончить с жизнью? Поминальная служба по Розе была отложена до завершения коронерского расследования. Все надеялись на то, что море выбросит тело утопленницы на один из пляжей североморского побережья Норфолка, но Розу так и не нашли.

Предсмертная записка, адресованная Эми, у которой Роза гостила в ночь своей смерти, звонок в службу экстренной помощи, полицейский отчет и характеристика Розы, которую предоставил декан ее колледжа, подробно расписавший ее тоску по скончавшемуся отцу, оказались для проводившего дознание коронера достаточными основаниями для того, чтобы признать Розу погибшей. Слабым утешением стало лишь то, что ее смерть была квалифицирована им как несчастный случай, а не суицид.

Роза также написала письмо Джару; и оно тоже было предъявлено следователю. Это было электронное послание, сохранившееся в папке «черновики» (как и предсмертная записка, адресованная Эми). Джар знает слова этого послания наизусть:

«Джар! Я очень сожалею. Спасибо тебе за запоздалое счастье, которое ты привнес в мою жизнь, и за нашу взаимную любовь! Надеюсь, тебе удастся найти покой, который я в этом мире так и не обрела. Мне оказалось не по силам перенести утрату отца, но я уже чувствую себя ближе к нему, сознавая, что ждет меня впереди. Мне очень жаль, что пришлось оставить тебя, малыш, – первая и последняя настоящая любовь всей моей жизни».

Джар часто задавался вопросом: намеренно ли Роза выбрала ту штормовую ночь, чтобы пойти на пирс? В последние недели ее жизни в колледже он помогал ей писать эссе на тему антропоморфизма. Ее рассудок был более расстроен, чем Джар тогда думал – теперь он это понимает. И все же ее поступок до сих пор кажется ему бессмысленным.

Сойдя с автобуса, Джар направляется прямиком в гостиницу, в которой Эми назначила ему встречу. Это отель «Париж», возвращающий своих гостей в эдвардианскую эпоху и облюбованный туристами, приезжающими в город с автобусными экскурсиями. Джар приехал рано: он хотел сначала прогуляться на пирс, но выбор места встречи («Почему не у Эми дома?») насторожил его. Или, может, его растревожила сумеречная тишина пустынных улиц и закрытых магазинов – это ощущение, что ночь еще не прошла?

В гостинице, смотрящей на пирс, табличками на деревянных панелях обозначены «Дамская комната» и «Игровая комната». Над главной стойкой регистрации тянется открытая галерея – вызывающий головокружение узорчатый ковер, канделябры и обрамленные тяжелыми позолоченными рамами портреты на стенах. Джар направляется в коктейль-бар мимо постера, рекламирующего «Бакарди» и «Колу», и стеклянной витрины с выставленными в ней бутылками «Просекко» и «Пино Гриджо».

Эми тоже пришла раньше условленного времени – она сидит в углу пустого главного бара за чашечкой кофе. При виде нее Джар нервно сглатывает: как же она напоминает Розу! Такие же высокие брови и длинные темные волосы, надетое не по сезону фиолетовое бархатное пальто и богемные сапоги по колено. Только вот в Эми нет и толики Розиной игривости. Напротив, ее облик сдавливает какая-то тяжесть, что-то, что Джар однажды приметил в своей матери незадолго до ее смерти: глаза, измученные годами не проходящей боли. «Эми опять подавлена», – мелькает у него в голове.

– Я опоздал? – спрашивает он и, прикрыв глаза, целует Эми в щеку.

– Я никуда не спешу, – медленно выговаривает та. Джар помнит: когда Эми пребывает в таком настроении, время словно замедляется вокруг нее. – Кофе?

Истомившаяся от скуки официантка в передничке заходит в бар, хлопая дверью без всякого недовольства. Джар вскакивает, а Эми даже глазом не поводит, как

будто ничего не слышит и не видит. Он заказывает двойной эспрессо и несет кофе в пустой зал с высоким потолком: темный глянец отделки, декорированные карнизы, эскиз спасательной лодки. На Джара вдруг накатывает невообразимая тоска по дому, по их семейному бару в Голуэе, по отцу.

«Ваш пир закончен, – любит тот громогласно объявлять о закрытии заведения местным завсегдатаям и туристам, встав на стул посреди бара. – Или, выражаясь бессмертным языком Уильяма Шекспира, у вас что, идиоты, домов нету и вы никуда не торопитесь, мать вашу?» (Старик умеет приправлять речь бранными словечками и может достать до печенок любого.) Иногда Джару кажется, что он все свое детство растратил впустую, сидя на высоком табурете возле барной стойки, тыча пальцем в забрызганный пивом поднос и наблюдая, как отец заливает американским туристам про четырнадцать племен Голуэя и очаровывает их своих гаэльским добродушием. Если бы мать не взяла себе за правило укладывать его в постель каждый вечер, Джар бы торчал в отцовском баре до рассвета. «А как еще этот малой познает окружающий мир?» – сетовал обычно отец, взъерошивая его волосы.

– Ты хорошо выглядишь, – лжет Эми.

Джар знает, что он совсем не в форме. Темнота вокруг глаз, много лишнего нависло над ремнем.

– Ты тоже, – отвечает Джар ложью на ложь.

Эми сорок с хвостиком, но выглядит она намного старше; ее волосы уже заметно тронуты проседью. И она чем-то сильно встревожена: постоянно озирается по сторонам. Джар тоже оглядывается, ожидая увидеть кого-то, но в баре они одни.

– Тебе повезло найти здесь свободный столик, – подтрунивает он над Эми.

Та отвечает на его шутку обреченной полуулыбкой. На лице Эми сегодня больше макияжа, чем обычно, но даже он не скрывает темных кругов под глазами. «Роза никогда не красилась», – думает про себя Джар. А вслух произносит:

– Я привез тебе подарок. – С этими словами Джар достает из своей хлопчатобумажной сумки книгу «Там, где встречаются небо и горы: Занскар и

Гималаи».

Эми берет книгу и пролистывает ее, задерживая внимание на фотографии босоного паломника, рискованно бредущего по замерзшему краю реки Занскар.

– В этом не было надобности, – говорит она, одаривая Джара еще одной полуулыбкой, на этот раз более сердечной.

– Это была одна из любимых книг Розы, – добавляет Джар.

– Спасибо тебе, Джар, – говорит Эми. – Как у тебя с писательством?

– Благодаря Кэти Перри без дела не сижу.

Голос Джара звучит неуверенно, чем следовало бы. Он привык, что люди расспрашивают его о том, что он пишет. Но ему претит объяснять, что с тех пор как умерла Роза, он не написал ни строчки.

– Как Мартин? – спрашивает он.

Муж Эми работал по контракту фармакологом в одной исследовательской организации, контролируя доклинические испытания различных фармацевтических кампаний. Но несколько лет назад он оттуда ушел.

– Все еще в поисках постоянной работы. Занимается фрилансом. Вертится больше, чем когда-либо. Но полон решимости закончить свой роман. Ты знаешь, как это бывает.

Джар кивает. Он какое-то время не виделся с Мартином, но не по своей прихоти. Джар поладил с ним в первую же встречу, когда Мартин заявил, что получил несказанное удовольствие от его сборника коротких рассказов. Мартин и сам был начинающим писателем. Со стороны их союз казался необычным, тем более что Джар не занимался, как Мартин, велоспортом и совершенно не разбирался в нюансах фармацевтической индустрии – еще одной всепоглощающей страсти Эминого мужа. Мартин оказался эрудитом. И однажды даже получил предложение читать лекции по английской литературе в Кембридже, впечатлив отборочную комиссию своими теориями о медикализации сознания поколения

битников. Но Мартин предпочел более практичный мир фармакологии и со временем стал специализироваться на психофармакологии.

Он также разделяет сомнения Джара по поводу консультирования у специалистов. Хотя Эми хочет помочь Джару справиться с его «галлюцинациями после тяжелой утраты» – она знает несколько хороших психотерапевтов. Но сам Джар не жаждет с ними встречаться.

Он уже собирается спросить Эми о ее собственной работе (вот уже две недели как она снова устроилась реставратором картин в музей Фицульяма в Кембридже), но она перебивает его.

– Я знаю: я немного параноик, но… – Эми запинается.

– Добро пожаловать в наш клуб, – хмыкает Джар.

– За тобой никто не следил последнее время?

Джар с улыбкой выдерживает ее пристальный взгляд. Иногда он думает, что им и вправду стоило бы организовать свой клуб – только для них двоих (под девизом «Даже у параноиков есть враги»).

– Я чувствую слежку за собой каждый день, – признается Джар. – Иногда мне кажется, что за мной наблюдает Роза, но чаще за мной следят другие, незнакомые мне люди; недавно это был мужчина, сидевший у окна в «Старбаксе». А этой ночью взломали мою квартиру.

– Джар, тебе следовало рассказать об этом сразу. Мне очень жаль.

– Ничего не взяли.

Эми смотрит на него, ожидая разъяснений. Но Джар осторожничает и не спешит раскрывать ей свою последнюю конспирологическую теорию о том, что в квартире у него побывал человек, пытающийся выяснить, как много ему известно о Розиной гибели. Эми и в лучшие времена была очень впечатлительная, и ему не хочется лишний раз ее волновать.

Джар наблюдает за тем, как она вертит в руках завернутый бисквит, который официантка подала ей с кофе. Ногти у Эми погрызанные, неухоженные. А ведь как-то раз, когда он приезжал в Кромер с Розой, Эми поскрасила его ногти серебрянкой.

– А ты? – интересуется Джар, пожимая руку Эми. Ему больно видеть ее такой. – Ты тоже чувствуешь, что за тобой кто-то следит?

– Мы всегда были осторожны, даже когда Мартин еще работал, – переводя взгляд в окно, говорит Эми, вспоминая далекое прошлое. – Всегда были начеку и всякое замечали.

Джар всегда знал, что работа Мартина привлекала внимание активистов, переживающих за права животных. Его карьера в фармацевтической индустрии была главной причиной, из-за которой Роза недолюбливала его, а ее отец порвал с ним вскоре после женитьбы на Эми. Впрочем, на их разрыв повлияла и та быстрота, с которой Мартин подсадил Эми на лекарства, якобы помогающие от тревожных расстройств.

– Полиция обычно говорила нам, чего следует остерегаться на улицах и около дома, – продолжает Эми.

– Мартин до сих пор под прицелом?

– Был какое-то время. Мы не теряем бдительности.

– И?

Эми приосанивается, как будто вдруг вспоминает, зачем именно она пришла в этот бар, и начинает говорить более оживленно:

– Последние дни меня не покидает ощущение, будто за нашим домом кто-то наблюдает. Только и всего.

– А что думает Мартин?

– Он говорит, что это закономерно: паранойя – обычный побочный эффект отмены препаратов. Я снова пытаюсь сократить их прием.

– Это хорошо, – произносит Джар.

– Я посещаю терапевта. Мартин, конечно, не в восторге от этого, как ты понимаешь. Я пыталась, когда он впервые оставил свою работу, когда я думала, что мы могли бы начать нашу жизнь сначала, но потом… – Голос Эми дрожит. – Исчезновение Розы немного выбило меня из колеи.

– Естественно, – делает паузу Джар. Иногда, из-за приема своих лекарств, Эми разговаривает с ним как с незнакомцем, забывая все те часы, что они провели вместе, обсуждая Розу. – Это выбило из колеи всех нас. Но почему ты думаешь, что за тобой кто-то наблюдает?

– У нас везде установлены камеры видеонаблюдения и тревожная сигнализация, но все это, скорее, ради меня. Я очень беспокойный человек. Меня все время одолевают какие-то страхи и опасения. Просто паникерша какая-то. Мартин считает, что жизнь слишком коротка.

Слова Эми неловко повисают в воздухе, создавая еще большую неловкость.

– Ты упомянула в своем электронном послании Розу, – говорит Джар, пытаясь вернуться к главной теме разговора.

Эми обводит глазами бар и поворачивается к нему, снова собравшись.

– Два дня назад я отнесла свой лэптоп к одному человеку в городе, который чинит компьютеры. Я стараюсь сейчас проявлять больше самостоятельности. Мой лэптоп сдох, и я хотела узнать, можно ли в нем что-нибудь спасти. Мартин уехал на свою велосипедную прогулку, но я позвонила ему, чтобы рассказать, что я узнала. Он очень трепетно относится к нашим компьютерам и предпочитает быть в курсе дел. Выяснилось, что вышел из строя жесткий диск. Тот человек сумел восстановить большинство файлов, но к одной папке так и не смог получить доступа.

Эми поднимает пластиковый пакет, стоящий у ее ног, и передает его под столом Джару со скрытностью наркодилера.

– Это жесткий диск. То, что от него осталось. Тот человек перенес все, что смог, в мой новый компьютер.

Джар держит пакет в руках, борясь с искушением заглянуть внутрь.

– Возьми его, – говорит Эми.

– Я не совсем понимаю…

– Мартин вернулся домой со своей велосипедной прогулки сразу же после моего звонка. Он отнес диск в свой гараж и тоже не смог войти в ту папку, но ему удалось расшифровать ее название.

– И?

– Она называется «Дневник Розы».

На мгновение у Джара возникает ощущение, будто он сжимает под столом не пластиковый пакет, а Розину руку. Она находится с ними, в гостинице, рассказывая о Ладакхе, о своем желании когда-нибудь побывать там зимой и пройтись по льду Занскара.

– Должно быть, она загрузила его в мой компьютер в ту последнюю ночь, – говорит Эми. – Роза часто отправляла с него электронные письма, когда гостила у меня. Там, скорее всего, нет ничего особенного, но все же… – Голос Эми обрывается на полуслове.

Джар жалеет ее и тот покоробленный мир, в котором они с Мартином живут – мир, в котором нет случайных совпадений, но во всем усматривается взаимосвязь. Им обоим кажется странным то, что Роза загрузила свой дневник в их компьютер.

– Мы подумали: может, ты знаешь кого-нибудь, кто помог бы открыть эту папку, – продолжает Эми, теперь уже с большей уверенностью в голосе. –

Может, кто-нибудь из твоих коллег-технарей по работе. Тот парень, Карл, о котором ты нам часто рассказываешь. Я знаю, что Мартин не всегда находил общий язык с Розой… – натужно улыбается Эми. – Но на следующий день, после очередной, но на редкость долгой велосипедной прогулки (а он говорит, что может размышлять о чем-либо только сидя на своем велосипеде), Мартин вернулся чрезвычайно оживленный и говорил о ней с большей нежностью в голосе. Он также сказал, что ты был единственным, кто действительно понимал Розу.

Джар отвел глаза в сторону.

– Возможно, в нем взыграло чувство вины. Потом, уже ночью, он заявил, что нам следует передать Розин дневник тебе. «Это было бы правильно, и это нужно сделать», – сказал он… И попросил меня передать его тебе. – Эми делает паузу, теребя свое обручальное кольцо. – Джар! Я думаю, Роза рассчитывала на то, что однажды ее дневник найдут. И возможно, в нем есть ответы на некоторые вопросы.

8

Кембридж, летний триместр 2012 г. (продолжение)

Когда мы подошли к общежитию Джара, было уже совсем поздно. Мы прогуляли по улицам Кембриджа больше часа и даже сделали остановку на Олл-Сейнтс-пасседж, чтобы угоститься кебабом. Мы его поделили, и оба пожалели об этом. А потом Джар наконец-то спросил, что я хочу дальше.

После купания в Каме я все еще ежилась от холода, но мне не хотелось, чтобы наш вечер заканчивался. Джар умеет слушать или, возможно, ему просто не удавалось ввернуть словечко. В его поведении было что-то такое, отчего меня вдруг потянуло выговориться, отвести душу, рассказать ему больше, чем я кому-либо рассказывала с тех пор, как приехала в Кембридж. О, если бы только я могла поделиться с ним той проблемой, что преследует меня в этой жизни. Проблемой, которая принимает все более угрожающие размеры, то ли сгущая,

то ли наоборот проясняя мои перспективы – я уже и не знаю.

– Не покажешь мне свои офорты? – спросила я, в первый раз взяв его под руку. Джар посмотрел на меня, а затем улыбнулся и, не обращая никакого внимания на подвыпивших студентов, обходивших нас на узкой Кингс-Парейд, ответил мне вопросом на вопрос:

– А разве не мне следовало предложить тебе это?

– Что ж, давай.

– Ты не хочешь подняться ко мне, чтобы… – Еще один студент пихнул моего спутника в плечо, пытаясь оттолкнуть его широкий корпус в сторону, но Джар и на это не отреагировал.

– Чтобы что? – усмехнулась я.

– Чтобы выпить кофе, – договорил Джар. – Лучше кофе, чем виски.

Его комната оказалась просторней моей и намного чище. Ее большие окна выходили на Кингс-Парейд, а спальня была размером с гостиную – в общем, именно тот «брайдсхедский вариант проживания», который представляют себе люди, думая о Кембридже. Я обошла все, проведя рукой по потертой бордовой кожаной софе и креслу. У Джара в комнате имелся даже камин.

Вдоль стены высились стопки книг – томики Йейтса, Синга[5 - Джон Миллингтон Синг (1871–1909) – ирландский драматург, один из крупнейших деятелей национального возрождения Ирландии.], Хини[6 - Шеймас Джастин Хини (1939–2013) – ирландский поэт, эссеист, переводчик англосаксонского средневекового эпоса «Беовульф», удостоенный Нобелевской премии «за лирическую красоту и этическую глубину поэзии, открывающую перед нами удивительные будни и оживающее прошлое».]. В углу на письменном столе понуро покоился закрытый лэптоп Джара, а над ним стыдливо склоняла плафон регулируемая настольная лампа. На подоконнике громоздилась армада бутылок ирландского виски, одну из которых подпирал CD-диск «Вилладжерс»[7 - Villagers – ирландская фолк-группа, созданная Кононом О’Брайеном.].

Я все еще не понимала, к чему клонится наш вечер, но в обществе Джара я чувствовала себя уютно и раскрепощенно – достаточно раскрепощенно для того, чтобы попросить у него какую-нибудь одежду на смену своим промокшим вещам.

– Я бы тебе приготовил ванну, но до нее топать несколько миль по коридору, – сказал Джар, протянув мне свой домашний халат из-за двери. – Нам ведь не нужны сплетни соседей. Ты можешь переодеться там. – Джар кивнул на спальню.

– Я могу и здесь, – сказала я. Мы стояли в комнате, возле софы. – Ты и так уже все видел у реки.

– Я не смотрел. Будешь виски?

– Что, совсем не подглядывал?

Вместо ответа Джар принес с подоконника бутылку и бокал и щедро налил в него виски.

– Вот, выпей, это тебя согреет. – Он подал мне бокал. – Двадцатилетний «Редбрест» – ирландский виски. Его готовят путем перегонки смеси солода и непророщенного ячменя в традиционных медных кубах. И выдерживается сначала в бочках из-под бурбона, а потом в бочках из-под хереса. Чудесный букет с ароматами пряностей, фруктов и дерева.

– И как я смогу устоять? – прошептала я. Теперь мы стояли совсем рядом, лицом друг к другу.

– Так говорит мой отец. Он вручает мне бутылку этого напитка на каждый Новый год, пространно распинаясь о его вкусе и послевкусии.

– А где твой бокал? – спросила я.

– О, я уже выпил норму всей своей жизни.

– Так нечестно.

– Грех жаловаться.

– Мне что ли?

– К тому же, на трезвую голову мне лучше пишется.

– Вот уж не думала, что ты собираешься что-то писать сегодня ночью.

Мы стояли так близко, что наши лица почти соприкасались.

– Похоже, мы можем пикироваться бесконечно. Дай лучше я тебе помогу, – произнес Джар, расстегивая мою рубашку.

Его пальцы с чистыми, аккуратно подстриженными ногтями, действовали уверенно и настырно, без страха и трепета. «Интересно удивился ли он, обнаружив, что я не ношу нижнего белья? – подумалось мне. – Может, он уже составил обо мне мнение как о феминистке без лифчика?»

Хлебнув виски, я почувствовала, как расхваленный Джаром ирландский напиток опалил мне рот. А он уже стягивал мою рубашку, рассматривая меня, мои губы. Закрыв глаза, я наклонилась поцеловать его – дико, безумно счастливая впервые с тех пор, как приехала в Кембридж! И поднесла к его рту свой бокал. Джар подставил рот и сделал глоток.

– Не больно ты сопротивляешься, – прошептала я.

Джар нежно притянул меня к себе и поцеловал в шею, а потом снова в губы. Прервав поцелуй, я стала неторопливо снимать с него куртку и рубашку. Но когда мы поцеловались снова и я ощутила прикосновение его обнаженной кожи к своей, я стремительно просунув руку в джинсы Джара, крепко сжала его конец, а пальцы Джара в это время скользнули в мои трусики. Мы протопали по комнате, хихикая над своим неуклюжим, но все более ускоряющимся танцем, и рухнули на кровать. На какое-то мгновение Джар замер надо мной, и мне захотелось ему рассказать все-все. Но я понимала, что это было бы неправильно: бремя избранного мною пути должна нести я, только я одна.

Потом, после близости, когда мы выпили еще виски в постели, я извинилась перед Джаром за то, что из-за меня он снова принял на грудь. Джар не производил на меня впечатления алкоголика или человека, излечившегося от алкоголизма. Мне захотелось узнать побольше о его жизни в Дублине и невоздержании в спиртном, так не вяжущемся с его сдержанностью и невозмутимостью.

– Ничего странного, – пояснил он, словно читая мои мысли. – Мой отец владеет баром в Голуэе, так что я пил с малых лет. А затем я поступил в университет в Дублине, где пил еще больше, обычно в «Паве», спорт-баре студгородка, но иногда и за его пределами, «У Джона Кехо», где подают лучший «Гиннес» во всем Дублине.

– А сейчас?

Джар посмотрел на виски в своем бокале:

– Это первая капля за все время, пока я здесь.

Слегка пихнув его локтем, я кивнула на строй бутылок на подоконнике.

– Чисто в лечебных целях. Моя жизнь теперь более упорядочена и размеренна.

– Была до сегодняшнего вечера.

– Сегодня другое дело. Я не один.

Джар обнял меня, а я закинула на него ногу и мы замолчали, удовлетворенные и умиротворенные. И так лежали под простынями, пока он не повернулся и не вперил в меня свой взгляд.

– Ты кое-что не сказала мне, – проговорил он, без тени обвинения в голосе. Но я почувствовала, как напрягся мой живот.

– Я рассказала тебе больше, чем кому-либо за уже долгое время.

– Ты счастлива?

– Сегодняшней ночью – да.

Я была счастливей, чем он мог себе вообразить, но его слова развеяли окутывавший нас волшебный морок.

– А ты всегда спишь с парнем сразу же после знакомства? – с улыбкой продолжил расспросы Джар.

Но я уже не слушала. Что я сотворила?

– Роза?

– Никогда, – ответила я, но он понял, что что-то изменилось. Все таинство нашей интимной ночи рассеялось.

– Я тоже.

Мы лежали в тишине.

– Можно я немного попишу? – сказал Джар, как будто попросил выключить свет. – Я всегда думаю, что потом вспомню, что хотел написать, но этого не происходит.

– Сколько сейчас времени?

– Поздно. Останься у меня сегодня. Пожалуйста.

Я смотрела, как Джар встал с постели, надел на себя халат, который был до нашей близости на мне, подошел к письменному столу, открыл свой лэптоп и сразу же начал печатать. Наблюдать за тем, как его пальцы бегают по клавиатуре, было не слишком занимательно, и я откинулась на подушку, гадая, что именно он мог писать.

– Уже заканчиваю, – обронил мне через плечо Джар.

Быть может, я лишь льщу себе надеждой, но я не могла отделаться от мысли, что Джар писал о нас, о страстном накале нашей первой близости. На мои глаза навернулись слезы, и я крепко, до боли, сжала губы. Я знала, что это было нечестно по отношению к нему. Я ведь обещала себе не сближаться ни с кем, тем более с таким человеком, как Джар.

Я вылезла из постели и, пройдя по комнате, обняла его за плечи и поцеловала в макушку.

– Мне нужно идти, – только и сумела выдавить я, а глаза больно щипали слезы.

9

Джар вышел на улицу через десять минут после Эми, настоявшей на том, чтобы они покинули гостиницу врозь. Ее тревожное состояние – зеркальное отражение его собственной паранойи – не успокоило Джара, а только еще больше выбило из колеи.

Джар направился на пляж, твердя себе, что хочет лишь наполнить свои легкие свежим воздухом, послушать шепот волн. Но вскоре пирс притянул его к себе с той силой, противиться которой он был не в состоянии.

«Не следует придавать этому месту такого значения: Роза не умерла здесь», – убеждал себя Джар. Но, когда он прошел мимо театра «Павильон» и остановился на самом краю пирса, у навеса для спасательных шлюпок, его колени стали подгибаться, а к горлу подступили рыдания. Джар давно не плакал, и сейчас он не намерен дать слезам волю. События последней пары дней обострили его чувства, заставив его признать и смириться с тем, что он всегда понимал. Он не сможет спокойно жить, пока не выяснит, что же на самом деле случилось с Розой.

Вцепившись руками в парапет, Джар пристально разглядывал опоры пирса, вокруг которых, как паутинки на ветру, развевались куски зацепившихся рыболовных лесок. «Падать отсюда вниз высоко – футов сорок, не меньше. Сколько лететь телу до поверхности воды?» – Джар старался об этом не думать.

Рядом с ним на веревке болтается спасательный круг; яркий знак предупреждает: «Нырять в воду запрещено». За знаком – телефон для вызова экстренной помощи. Думала ли Роза им воспользоваться?

Джар переводит взгляд на море и ветряные турбины, прерывающие прямую линию горизонта. Затем поворачивается и идет к компании местных рыбаков и туристов. Некоторые из них, вооружившись проволочными горшками и ярко-оранжевыми катушками, ловят крабов. Другие рыбачат на спиннинги. Один мужчина отдыхает на скамейке, больше напоминающей навес над автобусной остановкой. У его ног лежит обезглавленная макрель и короткий нож с черной рукояткой, а в руке мужчина держит полупустую кружку «Гиннеса». Рядом с ним на скамейке лежат планшетник (наверняка захваченный для того, чтобы снимать уловы) и пустая бутылка «Люкозейда».

Джар слышит телефонный сигнал и через миг понимает, что это звонит его телефон.

– Джар, это Эми. Где ты находишься?

– На пирсе, – отвечает он, от ветра прикрывая рукой телефон.

– Уходи оттуда, уезжай из Кромера!

Джар озирается по сторонам, буравя глазами кучку рыбаков в капюшонах. Один из них перехватывает его взгляд.

– Что-то не так? – спрашивает Джар у Эми, ощущая тяжесть в животе.

– Здесь полиция.

– Где? – Джар сканирует берег, высматривая голубые мигалки. – Что происходит?

– У нас. Они забрали мой новый компьютер. И расспрашивают о старом жестком диске. Они ищут Розин дневник, Джар. Я уверена – они ищут именно его!

– Вы рассказали им что-нибудь? – Джар лихорадочно соображает, просчитывая последствия.

– Мартин думает, что их предупредил человек, чинивший мой лэптоп.

– О Розе? С какой стати?

– Возможно, он подумал, что ее дневник может быть уликой, не знаю. Он расспрашивал о Розе, и ему было известно о ее смерти практически все.

Связь прерывается прежде, чем Джар успевает ответить. Внезапно он чувствует себя очень уязвимым на пирсе. «Они ищут дневник Розы, Джар».

Да, это они! Они – те люди, что взломали его квартиру, тот мужчина в кафе напротив работы. Они не хотят, чтобы он узнал, что именно произошло с Розой той ночью; они не хотят, чтобы он прочитал ее версию событий. Неужели они следовали за ним в поезде из Лондона и засекли его встречу с Эми в гостинице? Надо уходить отсюда, подальше от рыбаков, – решает Джар. Его мысли пенятся, как море у пирса.

– Джар! Куда ты уходишь?

Джар останавился как вкопанный и обернулся. В десяти ярдах от него, рядом с тем самым местом, где он стоял, на нижней перекладине ограждения покачивается, высоко подняв руки над головой, женщина с размытыми чертами лица.

– Разве тебе не нравится, как ветер взбивает гребни волн в пену? – выкрикивает она.

– Роза! – бормочет Джар, устремляясь к ней. – Пожалуйста, слезь оттуда!

– А мне это картина напоминает о Корнуолле. Помнишь, как море там с шумом обрушивается на причальную стенку?

– Ты пугаешь меня сейчас, – говорит Джар, переходя с ходьбы на бег, потому что Роза встает уже на следующую перекладину ограждения, наклоняясь к морю

для равновесия.

– Чего ты так разволновался? Я всего лишь хочу пропеть песню. – Роза поворачивается к нему, улыбаясь и разводя руки в стороны, словно собираясь запеть. – Шучу…

Джар хватает Розу за талию и держит, уткнувшись головой ей в спину. А она оборачивается к нему, соскальзывает с ограждения вниз и крепко обнимает руками, пряча лицо на его груди.

– С вами все в порядке? – произносит чей-то голос.

Джар оглядывается – рядом с ним стоит тот самый рыбак, с которым они пару минут назад встретились глазами.

– Да, – отвечает Джар. – Все нормально. Он разжимает впившуюся в парапет руку. Рядом с ними никого нет.

* * *

По дороге на автовокзал Джар купил на почте конверт с мягкой подложкой, а потом позвонил Карлу, зажимая мобильник подбородком, потому что в руке держал ручку.

– Это я, Джар. Продиктуй мне свой домашний адрес.

Упираясь острыми уголками, жесткий диск отказывается помещаться в конверт, но Джар все же запихивает его.

– Как дела, дружище? В групповой рассылке висит сообщение, что ты угодил в «неотложку», поранив язык бельевой прищепкой.

– Все хорошо, – говорит Джар, надеясь, что его последняя объяснительная позабавила коллег. – Мне просто нужен твой адрес. Гибсон-стрит, так вроде бы?

– Дом девять, – продолжает Карл, называя также почтовый индекс. – Ты решил прислать мне цветы? Господи, чудненько!

10

Кембридж, весенний триместр 2012 г.

Как только ты здесь думаешь, будто бы знаешь, что из себя представляет тот или иной человек, ты сознаешь, что ошибаешься. Я полагала, что мы с Фиби – подруги, что у нас завязалась настоящая дружба (для меня впервые в универе!). Но сегодня вечером, на торжественном ужине, между нами все изменилось, причем такого оборота я совсем не ожидала.

Мы с Фиби сблизились сразу, как только познакомились в Неделю первокурсников. Она разделяет мое мнение о клубных попойках и о любителях поприкалываться с их сомнительными «обрядами посвящения». Фиби может выпить или даже напиться, но не считает нужным делать это в обеденном зале восемнадцатого века. И она не комплексует по поводу своего веса и неухоженных волос, выбритых на затылке, но торчащих на макушке во все стороны, точно воронье гнездо, несмотря на все попытки ее яркого ободка удержать их в узде.

Фиби также активно участвует в радикальном студенческом движении (думается, и мне бы стоило этим заняться). И утверждает, что разведслужбы уже завели на нее досье за ее оппозиционную деятельность. (На мой вопрос, не пугает ли это ее, Фиби только хмыкнула: «Для меня это повод для гордости. А если меня однажды найдут на дне Кама, ты по крайней мере догадаешься, почему я там оказалась».)

Фиби – также очень добрый человек, если не самый добрейших из всех, кого я знаю. И она умеет слушать (а люди, общающиеся со мной, должны это уметь). Как-то раз ночью, когда я чувствовала себя особенно подавленной из-за кончины отца, Фиби постучала ко мне в дверь. Она зашла только за тем, чтобы позаимствовать у меня зарядку для телефона. Но, заметив, что я плакала, Фиби

задержалась, крепко обняла меня, а затем сходила к себе за грелкой (так поступает ее мать, когда Фиби чем-то расстроена).

Мы проговорили всю ночь – об отце, о смерти, о том, как же хочется, чтобы мир оказал тебе хоть толику почтения и перестал вращаться хотя бы на несколько минут, когда умирает близкий тебе человек, но только жизнь неумолима и продолжает идти своим чередом. Я рассказала Фиби об одном бездушном звонке в ночь смерти отца. «Можно переговорить с мистером Сэндхоу?» – спросил бесцеремонный провайдер широкополосного доступа в интернет, не стесняющийся даже ночью навязывать людям свои услуги. Да, конечно, каждый должен зарабатывать себе на жизнь. Мне же тогда захотелось закричать от боли, громко и пронзительно, объяснить ему, что папа только что умер. Но вместо этого я бросила трубку, не сказав ни слова, и зарыдала.

– Ты поступила очень великодушно, – сказала Фиби, когда уже рассветало. – Я бы его послала и пожелала сдохнуть. – Она сидела на моем письменном столе, обхватив руками колени и попивая «Драмбуи» из маленькой бутылочки, которую я у себя отыскала (у нас обеих больше ничего не нашлось из выпивки).

Как бы там ни было, но сегодня вечером, на торжественном ужине, я оказалась рядом с Ником, второкурсником, подсевшим ко мне с единственной целью – поболтать. Я собиралась пойти на ужин с другими ребятами, но они меня продинамили. А Ник приметил, что я одна.

За Ником закрепилась вполне определенная репутация: он норовит затащить в постель однокурсниц. И это всем отлично известно. (Его любимая фишка – предложить девушке принять с ним душ, при этом он ведет себя так, будто предлагает невинную игру в скребл.) Я была полна решимости не проявлять к нему интереса, но потом Ник начал заводить меня. Возможно, так подействовала обстановка. Ужин в средневековом зале – непривычный опыт, и, похоже, один из тех, что имел в виду отец, когда призывал меня «всё попробовать». В зале нет электрического света – на столах стоят только свечи в серебряных подсвечниках. Никто не слоняется туда-сюда. И действует своеобразный дресс-код: мы должны быть в форме колледжа. Официанты с белыми перчатками на руках возникают из тени с едой неслышно, словно привидения. Вино, которое мы заказываем, приносят из погребов, а на блюдах и тарелках оттиснут герб колледжа. Что до молитвы, то ее чтение кем-либо из ребят – на латыни, естественно, занимает целую минуту.

Итак, я все больше вопреки голосу разума увлекалась Ником, поражаясь его познаниями о Ладакхе и его добуддийском пантеоне божеств, хотя этот парень не бывал там ни разу в жизни. Мне показалось, что ему известно все даже о Неему – деревушке, в которой мы с отцом привыкали к смене климата и условиям высокогорья после перелета из Дели в Лех. И он со знанием дела рассказывал о Нубрской долине, о Каргильской войне 1999 г. и о своем заветном желании посетить крошечное приграничное селение под названием Тертек, о котором он где-то вычитал, и в котором нам с отцом однажды довелось побывать.

– Говорят, тертекские абрикосы самые сладкие, – сказал Ник.

Я могла только утвердительно кивнуть в ответ. Теперь-то я понимаю, что он просто заглянул на мою страничку в Фейсбуке, а затем прочитал в «Википедии» все, что требовалось, чтобы запудрить мне мозги. Но тогда я попалась на крючок и потому даже не заметила, как к нашему столику подошла Фиби.

Ник подвинулся, освобождая ей место рядом с собой. И в этот момент мне показалось, будто Фиби смутилась. Я ведь только на прошлой неделе презрительно высмеивала ставшее притчей во языцех стремление Ника переспать с каждой первокурсницей из колледжа Св. Матфея. Но потом произошло то, чего я никак не ожидала. Как только Фиби села, они с Ником поцеловались в губы.

Я, было, отвернулась, но потом снова перевела взгляд на Фиби, улыбавшуюся мне. Ее пухлые щечки заалели, как спелые яблоки «Бребурн», а в ее дыхании я уловила запах алкоголя. Я смотрела на Фиби в тщетном ожидании объяснения. От вина веки Фиби покраснели, и вид у нее был скорее уязвимый, чем победоносный.

– На прошлой неделе, – наконец выдавила из себя Фиби. – Мы начали встречаться на прошлой неделе.

– Отлично, – ответила я, прикладывая к губам салфетку.

Более неподходящей пары трудно было себе представить. Но, может быть, я просто не понимала истинных целей и намерений Ника. Говорят, в Неделю первокурсников он уговорил Женевьев с классического отделения голой

полежать с ним на полу у него комнате в окружении сотни свечей. Секса у них не было; ему просто нравилась такая «живая картина».

Вот и сейчас, сегодняшним вечером, в мою голову закрались мелочные и глупые подозрения. Почему Фиби не сказала мне, что они встречаются? Я бы только порадовалась за них. Ник – не мой типаж, я поддерживала с ним беседу на торжественном ужине только из вежливости. Хотя и сознавала: по меньшей мере на несколько минут, пока мы сидели с ним при свечах и болтали об Индии, я вдруг позабыла о том, что мой отец умер.

11

– Я виделся с ней вчера вечером, – проговорил Карл, доставая визитку. – С психотерапевтом, которая помогает людям справиться с потерей близкого человека. Помнишь, я тебе о ней говорил?

– С той, у которой в приемной играет джангл? – уточнил Джар, беря визитку и читая указанное на ней имя: «Кирстен Томас».

Они с Карлом сидели под крышей «Уэстуэя», наблюдая за ребятишками, обучающимися скейтбордингу. За проволочной оградой, окаймляющей дальнюю окраину скейт-парка, то и дело мелькали поезда, курсирующие по линии Хаммерсмит-энд-Сити, которых на подъезде к станции Паддингтон встречают стены, сплошь исписанные граффити.

– Кирстен уже распрощалась с юностью, но тем не менее оказалась горячей штучкой, – продолжил Карл.

– Это не совсем то, что нужно для проведения консультаций, – сказал Джар.

– Но, согласись, ведь гораздо интересней, когда тебя просят прилечь на кушетку?

– Прямо по Фрейду.

– А он бы не отказался.

– От чего?

– От того, чтобы развлечься со своим психотерапевтом: «Можно мне называть вас мамочкой?»

Джар понимал, что ему следует посмеяться вместе с другом, тем более что тот изо всех сил старается ему помочь. Но он не в настроении.

– В любом случае, эта Кирстен, – продолжал Карл, смакуя ее имя, – специализируется на помощи людям, у которых горе. На галлюцинациях, вызванных утратой близких людей. И она – американка. Я не упоминал этого? Горячая американка, совсем как пицца. Ты часом есть не хочешь?

Джар отпил глоток своего латте; Карлу всегда хочется есть.

– К твоему сведению, Кирстен не проигнорировала мою теорию о знакомстве на похоронах. Она сказала, что клеиться к женщинам на похоронах бестактно, неуважительно и неуместно, но для науки такой способ заводить знакомства представляет определенный интерес.

Джар очень надеется, что однажды Карл найдет свою любовь, на утешенье всем скорбящим женщинам.

Они сидели под крышей «Уэстуэя» уже с полчаса, прячась от ледяного ветра, который проносился по подземному скейт-парку со скоростью вора-карманника. Но Карл заверил друга, что их ожидание будет оправданно.

Джар возвратился из Кромера в четверг, удовлетворенный тем, что не заметил за собой слежки ни в автобусе до Кингс-Линна, ни в поезде, вернувшем его в Лондон. Он не пошел на работу в пятницу – предпочел «залечь на дно» в своей квартире. А сейчас – субботнее утро, и он впервые после возвращения домой вышел на улицу.

Несмотря на впечатляющую компьютерную грамотность, Карлу не удалось открыть Розин дневник. Но сложность задачи только распалила его. А Карл

знает человека, который точно сможет это сделать. Зовут его Антон. И именно его они ждут здесь, стараясь не походить на пару педофилов, но продолжая ловить на себе косые взгляды всех отцов западного Лондона.

Антон пронесся мимо них на скейтборде и поднимает в приветствии руку, растопырив всю пятерню. На его голове гнездились большущие наушники, а за спиной раздувалась растаманская шапка. Джар бросил взгляд на часы. За Антоном, как вереница утят, следовала компания маленьких ребятишек. Они изо всех сил старались не отстать от учителя на своих крошечных досках, попутно поправляя съезжающие на глаза шлемы, пока еще слишком большие для них. («Мальцам не больше шести лет», – удивился Джар.)

Их отцы сидели на трибунах рядом с ним и Карлом. «Новоявленные банкиры из Ноттинг-Хилла», – заключил Джар по их виду: все как один в бейсбольных кепках, надетых задом-наперед, и выходных куртках с заплатами на локтях и плечах. Несколько мамаш сидели во внедорожниках, предпочитая наблюдать за своими напористыми чадами из комфортных салонов автомобилей, заехавших мордами на тротуар у стадиона.

Урок подходил к концу, и тут ступня самого старшего по возрасту паренька соскальзнули с доски. Та отскочила к трибунам и, выписав причудливый пируэт, упала к ногам Карла. Карл наклонился, но потом замер в раздумье: а возвращать ли доску? Подняв голову, он заметил, что мальчуган, целый и невредимый, встал с земли и направился к нему.

– А мне можно прокатиться? – спросил Карл паренька.

Мальчик ухмыльнулся, но не возразил.

– Что это тебе вдруг взбрело в голову? – осведомился Джар у друга.

– Я делал поп-шовит не хуже других, – ответил Карл, вставая на доску и на удивление плавно отталкиваясь.

– Десять лет назад! Когда тебе было пятнадцать, – кричал вслед ему Джар. Источающий самоуверенность Карл пытался перекрутить доску в воздухе, но та тяжело упала. Одолживший ему скейтборд паренек бросился на помощь.

– Я в порядке, – успокаивает его Карл. – Пострадала лишь моя гордость, только и всего.

Через пять минут они с Джаром уже заходят в ржавеющий контейнер на окраине скейт-парка, когда-то служивший для перевозки грузов, а теперь переоборудованный для производства разного ремонта. Закончивший урок Антон провел их мимо верстака, заваленного деками, подвесками и роликами, в самый конец контейнера, к столу, на котором стояли целых три компьютера, раскиданы инструменты и лежал жесткий диск, который Эми передала Джару.

Антон селна вращающийся табурет и, отталкиваясь одной ногой, начал лихорадочно крутиться туда-сюда между экранами, как возбужденный дилер Сити.

– Файл не поврежден, – констатировал он с жутким ямайским акцентом. Джар ловил каждое слово Антона. – Он зашифрован.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Джар, кидая взгляд на Карла, который, судя по всему, удивлен гораздо меньше. – То есть, я знаю, что значит «зашифрован», но…

– Кто-то специально сделал так, что он стал выглядеть, как поврежденный, – пояснил Карл.

Следующие пять минут он выступал «переводчиком» – не ямайского патуа Антона, а его технарского жаргона. По какой-то причине, лучше всего известной самой Розе, каждая запись в ее дневнике была зашифрована отдельно. Провозившись всю ночь, Антон сумел извлечь пару из них. Правда, не по порядку.

– Похоже, это будет стоить нам недешево, – прошептал Карл. Антон снова надел свои наушники и начал качать головой в такт играющей музыки (у Карла наушники так и висели на шее).

Джар уловил восхищение в голосе друга. Антон отдал ему карту памяти с двумя отрывками из Розиного дневника. А затем на листочке бумаге записал адрес на Hotmail и пароль. После того как он извлечет все записи дневника, – он сольет их в папку «Черновики» в Hotmail, откуда Джар сможет их извлечь. Таким образом,

записи дневника никогда не будут передаваться через Интернет.

«А не разыгрывают ли они меня?» – закрался в голову Джара червячок сомнения. Ведь Карл говорил, что папками для хранения черновиков постоянно пользуются террористические ячейки в попытках избежать обнаружения спецслужбами. Да нет, вроде бы парни относятся ко всему этому серьезно.

Согласовав сумму вознаграждения для Антона, оплату которого брал на себя Карл, друзья покинули скейт-парк и направились назад. Свернув с Лэдброк-Гроув на Портобелло-роуд и дойдя до блошиного рынка, они останавливаются у одного из ларьков – поглазеть на старые пластинки.

– Я думал, Антон возьмет больше, – проговорил Джар.

– Он любит головоломки. Не каждый день приходится иметь дело с таким шифром, как этот. Если только ты не работаешь в правительственном центре связи. Кстати, они однажды пытались его завербовать.

– Кого? Антона?

– Ну да! Только он их послал куда подальше. Не пожелал доносить на людей.

Джар не хотел показаться неблагодарным, но карта памяти прожигала дырку в его кармане. И всякий раз, когда Джар нащупывал ее пальцами, ему казалось, что он касался руки Розы, – как было и в Кромере, когда Эми передала ему под столом жесткий диск.

– Мне пора начать действовать. И действовать активно, – старался произнести он как можно беспечней. – А деньги я тебе отдам на следующей неделе. В день получки.

Карл продолжал просматривать старые записи джангла: Диджей Декстроус, Ремарк, «Рагга Твинс»…

– У меня к тебе вопрос, Джар. Ты не в курсе, Роза в универе часом не увлекалась алгоритмами генерации ключей?

– Мне ничего об этом не известно.

Этот вопрос беспокоил и Джара. Откуда Роза знала, как зашифровывать файлы? Он не припоминал, чтобы она когда-нибудь проявляла хоть малейший интерес к компьютерам.

– И зачем было загружать дневник на чужой компьютер?

– Она не хотела, что его кто-нибудь обнаружил.

– Или прочитал… Джар, я понимаю, что речь идет о Розе, вы с ней встречались и все такое… И все же совать нос в личный дневник…

– Думаешь, я не задавался этим вопросом? – огрызнулся Джар.

– О, Ребел МС![8 - Майкл Вест – британский джангл-продюсер, диджей и музыкант, нареченный Рас Тафари в знак приверженности растафарианскому учению.] – воскликнул вдруг Карл, показывая ему старый альбом.

– Тот самый Рас Тафари, – улыбнулся Джар. Следующую жизнь его друг наверняка проживет в общине растафариан.

Карл положил пластинку обратно и еще больше склонился над прилавком, бормоча почти себе под нос:

– Зачем ворошить прошлое? Читая ее дневник, ты только разбередишь себе раны.

– Возможно, я найду в нем объяснение.

– Ты, и в правду, на это надеешься? И действительно, этого хочешь?

– Да, мне хотелось бы узнать хотя бы «почему?», раз нет ответа на вопрос «как?»

– Позвони, пожалуйста, Кирстен.

У Джара не получилось выговорить «Да», но на прощание он бросил другу обещающий взгляд.

Когда он снова вышел на Лэдброк-Гроув, раздался звонок. Это Эми. Джар попытался ей дозвониться несколько раз после их встречи в Кромере, но телефон Эми был отключен. На мгновение Джару показалось, будто связь прервалась, но тут Эми выдала:

– Они пытаются засадить его. А он ведь ни в чем не замешан.

– В чем не замешан? Эми, я едва тебя слышу.

Остановившись напротив станции метро, Джар оглядел улицу и попытался понять, насколько хорошо ловит его мобильный. Голос Эми звучал так, словно она была пьяна.

– Это из-за старого жесткого диска? – спросил Джар.

За последующие несколько минут ему все же удается выяснить, что произошло. Мартина арестовали по подозрению в хранении непристойных снимков. Нелепое, смехотворное обвинение, утверждает Эми. Повод, чтобы сфабриковать против Мартина дело. Но этого оказалось достаточно, чтобы она снова начала пить свои таблетки. И ситуация грозила еще больше осложниться.

– Мартин ничего не сказал им о старом диске, – сказала Эми.

– И что себе думают полицейские – где он находится?

– В мусорной корзине.

«Это хорошо, – успокаивал Джар. – Очень хорошо!»

– А где сейчас Мартин?

– В Норвиче. Они до сих пор допрашивают его. Что нам делать, Джар? Дело совсем не в каких-то там снимках. Они охотятся за дневником, и они думают, будто его прячет Мартин. Рано или поздно, ему придется им все рассказать,

объяснить, что мы отдали жесткий диск тебе.

– Мне нужно время, Эми. Еще несколько дней.

– Тебе удалось открыть дневник?

– Только часть. Чтобы получить доступ к файлам, требуется время. Копы не смогут предъявить что-то Мартину, если он не совершал ничего противозаконного.

В ответ на его «если» в трубке повисла тишина.

– Я позвоню тебе позже, – произносит наконец Эми.

Пока Джар шел к платформе подземки, в его голове мелькала странная мысль: а ведь Мартин действительно мог хранить у себя в компьютере непристойные изображения! Не имея детей, он хранил фотографии двух своих собак с сигаретами – «курящих гончих», как их называла Роза. Нет, ерунда! Мартин ни в чем таком не замешан. Власти интересуются Розой, а не ее дядей. И они сейчас следят за ним, готовые на все, чтобы заполучить ее дневник. Они знают: в этом дневнике что-то есть. Что-то, о чем Роза так и не осмелилась ему рассказать.

12

Кембридж, весенний триместр 2012 г.

Я поступала в Кембридж не для того, чтобы участвовать в пьяных играх. И меня абсолютно не интересует регби (даже несмотря на то что им увлекался отец). Так почему же я всю прошлую ночь провела в компании игроков и их иступленных поклонниц, чьи представления о хорошо проведенном вечере исчерпываются попойками в «Пикреле» с поджиганием самбуки?

Я не хочу никого огорчать, и в этом моя проблема. И когда все ребята в моем корпусе собираются пойти куда-то вечером, мне кажется грубым и нетактичным отказаться, сославшись на другие, более важные дела. Мне не хочется испортить им удовольствие и оказаться «синим чулком». Никому не понравится остаться в одиночестве, что на первом, что на любом другом курсе. И я думала, что активное общение с другими студентами лучше, чем сидеть сычом в своей комнате. Я и так уже провела в ней слишком много времени, при выключенном свете и зашторенных окнах, за написанием дневника – в надежде, что это поможет мне рассеять мглу, все сильнее сгущающуюся вокруг меня и все больше отравляющую мою жизнь.

Ладно, что уж там. Зато прошлой ночью мне удалось улизнуть пораньше. Я смылась, когда ребята начали смотреть в свои пустые бокалы из-под пива, как в бинокли. Безо всякой цели я побрела к Кингс-Парейд, пытаясь представить себе, как там познакомились мои родители. Как бы мне хотелось побольше расспросить отца об их студенческом периоде!

В тот день, когда мы с отцом катались на плоскодонке, мы зашли выпить чаю в «Кеттл Пот», напротив часовни Королевского колледжа. Приобняв за плечи, отец подвел меня к столику у большого эркерного окна, выходящего прямо на знаменитый памятник перпендикулярной готики. Он настоял, чтобы мы сели за этот столик, потому что именно за ним у них с мамой состоялось первое свидание.

– Ваш декан – хороший человек, – сказал тогда отец, обильно смазывая джемом еще теплую сдобную пышку.

– Ты его знаешь?

Доктор Лэнс – бородатый, серьезный, специалист по Гёте с международным признанием.

– Мы вместе учились, – ответил отец. – А по окончании Кембриджа он продолжил заниматься наукой, пробившись со временем в академическую элиту.

– Он показался мне нормальным человеком на собеседовании.

По правде говоря, декан не произвел на меня никакого впечатления. И я тщетно силилась вспомнить его лицо. Во время собеседования я почему-то ожидала, что он вот-вот совершит какой-нибудь странный, сумасбродный поступок – подожжет газету, лежавшую перед ним на столе, или выпрыгнет кувырком из окна посреди разговора. Но все прошло гладко и традиционно – совсем не так, как молва расписывала собеседования в Оксбридже.

– По его рекомендации на работу в МИД были приняты несколько лучших наших сотрудников.

– Я буду иметь это в виду, когда мне понадобится работа.

– Я попросил его приглядеть за тобой.

– Папа! – вздохнула я, но у отца были на то основания.

В свое время меня попросили покинуть несколько учебных заведений, включая мою последнюю школу, но все эти заведения были реально отстойными.

– В этом нет ничего плохого. Большинство студентов умудряются увидеть своего декана, только совершив какой-нибудь проступок. Доктор Лэнс будет присматривать за тобой. Вдруг тебе потребуется помощь.

– Можно мне спросить тебя кое о чем? О нас? – поинтересовалась я, насытившись слойками.

– Конечно.

Я немного помедлила с вопросом, чувствуя вину за то, что поднимаю тему маминой смерти.

Она покончила жизнь самоубийством через год после моего рождения. По словам семейного доктора, в этом не было ничьей вины: у мамы развился послеродовой психоз. Но отец так и не простил себе ее смерти.

– Если бы мама не умерла, ты бы достиг бо?льших успехов в своей карьере?

Отец рассмеялся, закинув голову назад, – совсем как на фотке, сделанной на родительской свадьбе во время речи шафера. Отцовский смех всегда был раскованным и необыкновенно заразительным.

– Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

– Я имею в виду, что многим людям в твоей ситуации потребовалась бы сторонняя помощь.

– Мы с твоей матерью поклялись, что сами поставим тебя на ноги. Или ты намекаешь на то, что моя карьера развивалась бы по-другому, будь мать жива… – Отец замолчал, а потом признался: – У меня нет ответа на этот вопрос.

– Извини, если мое присутствие помешало тебе добиться большего в жизни.

– Не мели чепуху. Можно только гадать, как бы мы жили, если бы мама не умерла. Возможно, у нас было бы больше детей и меньше денег. Кто знает? Возможно, я бы вообще поменял работу и ушел из МИДа.

– Наверное, тебе было очень тяжело. В первые месяцы.

– Веселенький разговор.

– Мне просто важно это знать.

– Конечно. Новый этап, уже нет моей маленькой…

Я прервала его выражением неодобрения на своем лице: «Не вздумай продолжать!» Мы снова помолчали. Но это молчание не было тягостным – нам всегда было легко в обществе друг друга; и не нужно было выдавливать из себя какие-то слова, если не хотелось говорить.

– А ты никогда не подумывал покончить со всем таким же путем? – все-таки решилась спросить я.

Прежде чем ответить, отец пристально посмотрел на меня. Его лицо вдруг стало серьезным и грустным. Раньше я бы никогда не задала ему такого вопроса, и я

не знаю, почему решилась на это сейчас. Вопрос был жестокий, эгоистичный. Ведь я знала, как сильно отец переживал и мучился все эти годы. Бывали дни, когда он приходил домой и не произносил ни слова, потом засиживался допоздна в своем кабинете и утром вставал с красными глазами, а в корзине для мусора я находила пустую бутылку из-под виски.

– Иногда мне казалось, что сделать это было бы легче всего. Но как бы тогда разозлилась мама! – Отец снова рассмеялся, на этот раз более сдержанно. – Да и мне невыносима была мысль, что ты потеряешь нас обоих.

Я положила свою руку на руку отца. Его глаза увлажнились.

– Спасибо тебе, па!

– Единственное, что я хочу попросить у тебя взамен – это позаботиться обо мне, когда я превращусь в дряхлого и слюнявого старика.

Доктор Лэнс хочет меня завтра видеть. Мы встречаемся с ним несколько раз за триместр: после смерти отца он явно чувствует на себе еще большую ответственность за меня. Но на этот раз, мне кажется, дело в другом. Лэнс написал мне елейную записку – кто-то ему доложил, будто бы я несчастна (подчеркнуто). Несчастна! Не то слово!

В последние дни я много размышляла над словами отца – о том, что помешало ему последовать маминому примеру и покончить с собой. Ведь иногда ему казалось, что сделать это было бы легче всего. «Злился» ли он на меня? И злился ли он когда-либо на маму? Я не знала, что можно так сильно страдать, так остро тосковать по ушедшему человеку и всю жизнь чувствовать разочарование. Не знала… до тех пор, пока не стало отца. Может быть, поэтому я сознаю, что должна наслаждаться своим пребыванием в Кембридже и веселиться тут на полную катушку?

Завтра у доктора Лэнса будет и новый психотерапевт колледжа. Особа женского пола. Я и понятия не имела, что у нас такая имеется, пока не услышала, что ребята нарочно разыгрывают у себя склонность к суициду ради того, чтобы с ней пообщаться. Судя по всему, она новенькая. И «милашка», как сказал бы отец.

13

Джар всегда ставил под сомнение вкус Карла, когда дело касалось женщин. Но насчет Кирстен Томас его друг оказался прав.

Утром в понедельник Джар сидел в кабинете с высоким потолком в доме, построенном в характерном джорджианском стиле на Харли-стрит. И его глаза волей-неволей задерживались на Кирстен дольше, чем следовало бы, пока она оговаривает свои условия.

– Первую консультацию с новым клиентом я обычно провожу вне рабочего графика и бесплатно, – весело проговорила Кирстен.

«Новая Англия, – гадал Джар, – или Бостон?»

– А в вашем случае я готова вам сделать особое предложение.

«Я тоже, – думал Джар, отвечая ей улыбкой на улыбку, но тут же одергивает себя: – Боже, ты ведешь себя как Карл!» Он осмотрел кабинет: – Интересно, все врачебные кабинеты на Харли-стрит похожи на этот?» Кирстен сидела за большим дубовым столом; Джар устроился на стуле, стоящем посередине светлой и просторной комнаты. С высокого потолка свисала роскошная люстра, а пол был выложен досками из термообработанной сосны.

В кабинете нет никакой кушетки, – отметил про себя Джар, чтобы потом высказать это Карлу. Зато есть софа и одно кресло с подлокотниками, которые стоят под высоким окном, деревянные венецианские жалюзи на котором отгораживают их от суеты лондонской жизни, бурлящей за стеклом. В углу установлена раковина, а на полу рядом с креслом Джар заметил коробку с бумажными носовыми платками. «Сколько людей, должно быть, сидели в этих кабинетах, пытаясь облегчить душу и рассказывая о своих проблемах только для того, чтобы по истечении отведенного им часа снова запрятать их поглубже и выйти на улицу!» – раздумывал Джар.

– Я пишу одну статью и рассчитываю на вашу помощь. Статья называется «Реакция воображения на смерть близкого человека: стадии переживания горя,

галлюцинации после тяжелой утраты и изменение качества жизни».

– Броское название.

– До этого я уже написала статью о состоянии психического здоровья эмоциональных людей, потерявших близких. А теперь мне интересно выяснить, как переживают тяжелую утрату творческие натуры. Писатели.

– Вы полагаете, все дело в воображении? Это оно виновато во всем, что с нами происходит? – Джар старался, чтобы в его словах не чувствовалась агрессивность, но его возмущало и обижало такое предположение.

– Вовсе нет. На самом деле как раз наоборот. Возможно, психическое состояние просто сильнее проявляется у творческих людей.

– Так, а в чем, собственно, заключается ваше предложение?

– Шесть бесплатных сеансов терапии продолжительностью по одному часу, начиная с завтрашнего дня. До встречи с моим первым клиентом, записанным на тот или иной день. Вы «жаворонок»?

Джар ничего не ответил. Вместо этого он снова стал разглядывть коротко подстриженные светлые волосы и голубые глаза Кирстен, пытаясь определить ее возраст. Лицо Кирстен не то чтобы было необычно, но достоточно привлекательно, чтобы красоваться в модельном журнале: высокие, скульптурно очерченные скулы, широкий рот, курносый нос. В ней не было ничего оригинального или загадочного, но плюсом Кирстен являлось то, что она не пыталась выпячивать свои неоспоримые достоинства. Легкий макияж – возможно, прозрачный блеск на полных губах. И наряд ее совсем не вызывающий: застегнутая на все пуговицы кремовая блузка под коричневым жакетом, юбка по колено. Никаких каблуков.

– Сказать по правде, я не совсем понимаю, зачем я здесь, – начинал Джар.

– Это нормально.

– Мой друг…

– Карл? Да, он сказал мне, что вы подойдете. Я рада вашему приходу. И Карл, думаю, тоже.

– Я ожидал услышать здесь музыку – Джар кивнул на дверь. – «Терапия» под песню «В постоянной депрессии», что-то в таком духе.

– Хм, английский юмор? – выдавила улыбку Кирстен.

– Точнее, ирландский. Мы, ирландцы, склонны усматривать комизм во многих ситуациях, даже в смерти.

При упоминании о смерти их разговор замер. Но этого, собственно, и добивался Джар. Он кинул взгляд на окно, намекая, что пора уже переходить к наиболее важной – практической – стороне встречи. И именно в этот момент он подметил одну особенность в дыхании Кирстен: судорожный прерывистый вдох. Такой обычно бывает у чем-то напуганных или сильно взволнованных людей. А Кирстен его делает перед тем, как заговорить:

– Надеюсь, вы согласны с моим предложением. Мне бы очень хотелось, чтобы вы приходили сюда; думаю, нам будет, о чем поболтать.

– О, там, откуда я родом, любят болтать!

Что он несет? Бравирует своими ирландскими корнями, чтобы произвести впечатление на белокурую американку?

– Бьюсь об заклад, вы из Дублина, – сказала Кирстен.

– Из Голуэя. – Джар понимал, что ему следует на этом остановиться, но ничего не может поделать с собой. – «Культурного сердца» Ирландии, – добавляет он. – Города, в котором родился покойный великий Питер О’Тул[9 - Британский актер ирландского происхождения; восьмикратный номинант «Оскара»; обладатель четырех «Золотых глобусов», премий BAFTA и «Эмми».].

Кирстен смотрела ему в глаза, потом отвела взгляд и перед тем, как заговорить, сделала еще один вдох, опять сопровождающийся характерным клокочущим призвуком.

– Я психоаналитик по образованию, Джар. И в своей практике использую так называемый метод «спонтанных ассоциаций», разработанный Зигмундом Фрейдом. Вы рассказываете обо всем, что приходит вам в голову, а я выявляю подсознательные мотивы, определяющие ваше поведение.

«Карл был не так уж и не прав», – думал Джар.

– Мне нужно будет, чтобы вы рассказали мне все о своей утрате и последовавших за ней видениях, – продолжает Кирстен. – Это поможет не только мне, но и вам, я в этом уверена.

– Много вам Карл растрепал обо мне?

– А давайте допустим, что ничего?

– Ладно, если так проще. Только я подозреваю, что он все же выболтал вам, что моя девушка, Роза Сэндхоу, умерла пять лет назад, что у нас с ней были в университете отношения, пусть и недолгие, и после ее смерти я пил до беспамятства, пытаясь ее пережить. Истина не столь проста. Те несколько месяцев, что мы с Розой провели вместе, мы любили друг друга с такой силой, с такой страстью, какой я не испытывал больше никогда – ни до того, ни после. Сейчас я пью несколько меньше, но все равно тоскую по Розе ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Более того, я думаю, нет, я уверен, что Роза жива! Когда я знал ее, она была счастливым человеком, несмотря на потерю отца. Самоубийство не в ее характере. Время от времени я вижу ее – на улице, в метро, в машине. В последние месяцы эти видения стали гораздо более реальными, и они укрепляют мое неверие в ее кончину.

Не много ли он рассказал этой Кирстен, не слишком ли ей открылся? Перед тем, как прийти сюда, Джар твердо решил для себя: нужно быть сдержанным. И не стоит упоминать про Розин дневник. Хотя именно его обнаружение и тот эффект, который эта находка произвела на него, привели Джара к психотерапевту. Он и так чувствовал вину за то, что читал дневник любимой – Антон прислал ему уже шесть отрывков (об их встрече в ресторане, о ее купании нагишом в реке Кам, об их первой ночи). И он не хочет еще больше злоупотреблять доверием Розы, раскрывая постороннему человеку содержание ее записей. К тому же он встревожен ее трактовкой происшедших событий.

– Ну, так что? Мы заключаем сделку? – спросила, улыбаясь, Кирстен.

Час спустя Джар сидел за своим компьютером в гаражном боксе, собираясь перечитать в третий раз последнюю запись из дневника Розы. От этого намерения его отвлек телефонный звонок. Опять звонила Эми. На этот раз ее речь звучала более связно. Поделившись новостями о Мартине (полиция выпустила его, не предъявив никаких обвинений), Эми перевела разговор на жесткий диск. Прошло уже четыре дня с тех пор, как она передала его Джару в Кромере.

– Мартин признался полицейским, что мы отдали диск тебе, – сказала Эми. – Джар, поверь, мне очень жаль. Но они охотятся за Розиным дневником.

– Что именно сообщил им Мартин?

– Твое имя и адрес. У него не было выбора. Тебе удалось прочитать что-нибудь из дневника?

Джар чувствовал, что времени у него остается все меньше. Он рассказал Эми об Антоне, о том, как тот расшифровывает записи дневника, каждую по отдельности, и помещает готовые отрывки в черновую папку.

– Попроси этого Антона скопировать все файлы, – предложила Эми, пока Джар набивал адрес электронной почты и заходит в папку «Черновики». – Это то, что они ищут. И знаешь, Джар…. – в телефоне повисла пауза. – Розин дневник непременно разбередит твои раны. Я знаю, ты не считал нужным обращаться к кому-нибудь за помощью раньше. Но все же тебе следует об этом подумать. Поговори с психотерапевтом. Я могу тебе порекомендовать нескольких хороших специалистов.

– Я уже обратился к одному. Сегодня была первая консультация.

– И это правильно. К кому ты ходил?

– К одной американке на Харли-стрит. – Джар не ожидал, как прозвучат его слова.

– Польза какая-то была?

– Пока что рано об этом судить. Я буду держать тебя в курсе.

Поболтав еще несколько минут ни о чем, Эми сообщила ему, что в конце недели приедет в Лондон, и предложила встретиться. Джар согласился, и они закончили разговор.

Фрагменты дневника всегда загружались в черновую папку в разном порядке. Тот, что высветилось сейчас на экране, касался второго триместра Розы в Кембридже. Джар не мог удержаться и не пробежать глазами сначала всю запись. И злился на себя за это. Но ничего с собой поделать не мог. Ему так хотелось увидеть в тексте упоминание своего имени или послание, адресованное ему. Хотя бы несколько утешительных слов!

Впервые прочитав этот отрывок, Джар испытал разочарование: Роза сделала эту запись в весенний триместр, еще до их знакомства. И до важной встречи с доктором Лэнсом – человеком, которому Джар написал так много писем за прошедшие пять лет, – Розиным деканом и, если верить слухам, вербовщиком оксфордских студентов для разведслужб (стандартная практика с похлопыванием по плечу за бокалом хереса).

Доктор Лэнс не откликнулся ни на одно из его писем или электронных посланий, не ответил ему ни на один телефонный звонок и всячески уклонялся от личных встреч.

Прокрутив экран, Джар начал читать отрывок сначала. И снова ощутил невыносимую горечь от того, сколько боли, скорби и тоски скрывала от него Роза и насколько мало он ее знал.

Неужели она притворялась тем жарким летним днем, когда они отправились на велосипедную прогулку по Гранчестерским лугам с бутылкой дешевой кавы? Джар тогда удивил ее своим невинным вопросом: брать ли с собой бокалы? (У его отца в пабе был «пунктик» насчет бокалов. И он заставлял Джара каждое утро, перед школой, натирать их до блеска. «Никогда не знаешь, когда Папа почтит нас своим визитом», – приговаривал старик.)

«Ты такой старомодный», – поддразнивала его Роза, потягивая каву из горлышка. Джар никогда не чувствовал себя счастливей, чем в тот день: лежа в высокой траве у реки, они с Розой планировали свое совместное будущее. Придавала ли она этому такое же значение? Написала ли что-нибудь об этом? Джар уверен: Роза тоже была счастлива, и от этого несоответствие между его и ее воспоминаниями только сильнее тревожило его.

14

Кембридж, летний триместр 2012 г.

Странные они – эти Майские балы. Они проводятся не в мае, а в июне, а билет туда стоит дороже, чем может позволить себе большинство студентов. Я никогда прежде не видела фонтана шампанского, даже на дипломатических приемах, куда меня брал отец. Но я увидела такой фонтан прошлой ночью и наблюдала за тем, как ребята подставляли под него свои головы до тех пор, пока не начинали давиться (классный способ самоудушения шампанским!).

Пойти на бал нашего колледжа решили все мои сокурсники. И да, какого черта? – подумала я: отец бы ужаснулся, если бы я пропустила такое мероприятие. Тем более что на столе у меня лежали приглашения сразу от трех парней, и все трое были готовы оплатить мой билет.

В конечном итоге я пошла на бал с красавчиком Тимом. Правда, предупредила его заранее, что у меня дома имеется бойфренд. Он воспринял это спокойно, а мне стало как-то не по себе. Но я сказала себе, что солгала Тиму из желания быть честной: пресечь любые мысли о возможном сексе (как у него, так и у себя самой).

А если уж быть до конца искренней, то пойти на бал я решила и ради собственного блага: я подумала, что мне будет полезно развлечься. Я не видела Джара с той нашей встречи на берегу реки Кам, однако, как ни старалась, не могла выбросить его из головы. Мне постоянно приходилось напоминать себе, что сейчас не время влюбляться. И, если Джар думал обо мне хотя бы часть того

времени, что думала о нем я, это было непростительно жестоко по отношению к нему. (Впрочем, я также пыталась внушить себе, что ему на меня глубоко наплевать.)

Тим настоял, чтобы мы сначала выпили по коктейлю в его комнате, в компании близких друзей, а потом уже пошли на бал. Я бывала у него в комнате уже несколько раз – она довольно приятная, но не идет ни в какое сравнение с комнатой Джара. Веселье было в самом разгаре, когда я появилась там в бальном платье из кремовой тафты, купленном в благотворительном магазине у церкви Св. Бенедикта. На какое-то мгновение мне стало интересно – только ли мне Тим оплатил билет? Он один из самых общительных студентов нашего колледжа, и каждую пятницу открывает в своей комнате мини-бар «У Тима», угощая всех вместе и каждого по отдельности собственноручно приготовленными коктейлями. Его отец торгует вином в Сити, так что достать алкоголь в большом количестве для Тима не проблема. Как, впрочем, и деньги. Он также увлечен спортом – причем больше крикетом, чем регби. И внешне очень привлекательный, чем-то напоминает греческого бога. Но я бы даже не вспомнила о нем после нашего первого знакомства, если бы не один нюанс: парень страдал глубокой глухотой.

Я нашла его в углу комнаты – Тим намешивал там коктейли.

– Я подумал, что наш тет-а-тет мог бы отпугнуть тебя, – поцеловав меня в обе щечки, сказал он. Как и на всех присутствующих ребятах, на Тиме был черный фрак и белый галстук-бабочка.

Речь у Тима в целом хорошая. Выдают его глухоту лишь отдельные слова, которые он произносит немного гнусаво. При этом он отлично понимает, что говорят другие люди – благодаря своему умению читать по губам и слабому слуху левого уха. В нашу первую встречу я была сражена и польщена вниманием и тесным – лицо к лицу – контактом при разговоре. Пока не осознала, что так Тим общается со всеми людьми. Ему просто нужно хорошо видеть чужие губы.

– «Московские мулы»[10 - Коктейль, состоящий из имбирного пива, сока лайма и водки со льдом; названием этот напиток, возможно, обязан своей крепости.], – указал жестом Тим на ряд полных бокалов, выстроившихся на столе. – Возьми себе один, пока есть возможность.

А затем, уже в комнате, он обвил мои плечи рукой и, приведя меня в полное замешательство, выкрикнул:

– Слушайте все: это – Роза, моя девушка на этот вечер.

Под громкие возгласы одобрения и поднятые бокалы я почувствовала, как по моей коже побежали мурашки. И причина тому могла быть только одна. Я одним махом опрокинула в себя бокал с коктейлем и схватила другой.

– Значит, ты та самая Роза Сэндхоу, – произнесла одна особа, подошедшая к столу, чтобы снова наполнить свой бокал. Ее платье было явно дороже моего, а выглядела девушка как профессиональная гребчиха: широкие плечи, мощный подбородок, пышущее здоровым румянцем лицо.

– Ты счастливица! – съехидничала она. И тут до меня дошло, что Тим пользовался у девушек бо?льшим успехом, чем я думала, и подцепить его считали удачей многие. Пока я переваривала свое открытие, улыбка «гребчихи» потяжелела: – Поактивней шевели губками, когда будешь под ним визжать…

Через десять минут мы уже стояли в очереди у домика привратника, чтобы зарегистрироваться на бал. Впереди слышался шум пьяного кутежа и звуки индийских инструментов: струнного ситара и ударной таблы. А на заднем плане – тяжелые, ритмичные биты электронной музыки.

При виде Первого двора у меня захватило дух. Стараниями устроителей он был превращен в роскошный раджастханский дворец: в зеркальной поверхности драпировок эффектно мерцал свет софитов; в воздухе витал аромат курящихся благовоний; а на поросших плющом стенах зданий проецировались образы огромных слонов с украшенными драгоценными камнями паланкинами на спинах.

Музыканты, игравшие на ситарах и таблах, сидели, поджав по-турецки ноги, на бархатных подушках в углу, а официанты беспрестанно открывали все новые бутылки шампанского: их ряды выстроились на столе в армию марионеток. Но основное внимание привлекал волшебный фонтан шампанского, струящегося по трем ярусам. Одни официанты окунали в него бокалы, черпали пузырившийся напиток и подавали прибывающим гостям, а другие тем временем пополняли фонтан, театральными жестами выливая содержимое новых бутылок в его

верхушку.

– Надеюсь, тебе по барабану, что шоу будет без гвоздя программа, – сказал Тим, когда мы направились во Второй двор. – Тринити-колледж потратил двадцать грандов на Пикси Лотт. Лично я предпочел бы всю ночь пить хорошее шампанское, чем тратить на певичку такие деньги.

– Я думала, что будут играть «Вилладжерс», – сказала я.

– Но они ведь не «Ю Ту», правда?

Слова Тима прозвучали своевременным напоминанием о том, насколько мы с ним разные. Джар познакомил меня с новой группой из Дублина в ту нашу ночь, и с тех пор я больше ничего другого не слушала. И я ждала, что выступление «Вилладжерс» станет изюминкой моего вечера.

Перед тем, как собраться с друзьями в Саду ученых на шашлыки, мы решили осмотреть все, что приготовили организаторы бала. Экзотическая тема обыгрывалась и во Втором дворе, более марокканском по оформлению. В его тускло освещенных уголках студенты лежали на подушках, покуривая кальяны и наблюдая за тем, как исполнительницы танца живота трясут своими телесами.

Там я заприметила и Фиби с Ником; он сидел рядом с ней на коврике. Фиби не надела бального платья – по ее понятиям, это было слишком по-мещански. После торжественного ужина в колледже мы виделись с ней несколько раз, но наше общение уже не было прежним. Между нами пропало доверие. А вот то, что Фиби все еще гуляла с Ником, изменило мое мнение о нем в лучшую сторону. Он мог пойти на бал с любой девушкой из колледжа Св. Матфея, но выбрал именно Фиби – и не за ее внешность, а за то, кем она являлась по духу: «политической активисткой» колледжа. Когда мы проходили мимо, я по-дружески улыбнулась бывшей приятельнице, попыхивавшей кальяном. Глаза Фиби показались мне стеклянными. Да и вообще она выглядела какой-то потерянной и, похоже, вообще меня не заметила. А Ник поднял руку в приветствии, как уставший индийский вождь; его лицо тоже обволакивал дым.

Гуляя по Саду студентов, одна из границ которого тянется вдоль реки Кам, мы с Тимом то и дело натыкались на огнедышателей и фокусников. На деревьях были развешаны гамаки, марокканские фонарики и миниатюрные лампочки,

поблескивавшие как светлячки. Тлеющие в жаровнях угольки таинственно мерцали в полумраке. Внизу у реки работала ярмарка с аттракционами и прочими увеселениями, а на реке – плавучее казино. Тим признался, что собрался заглянуть в него позднее. Он также жаждал посмотреть комедийное шоу. И пообщаться с предсказателем. А мне хотелось сходить на бесшумную дискотеку. И еще, пожалуй, в спа-центр.

– Удался Майский бал или нет, можно определить по длине очередей, – заявил Тим, когда мы проходили мимо блинного киоска. (В прошлом году он побывал на трех балах, а в этом собирается на два.) Мы увидели множество ларьков, предлагавших хот-доги, вафли, гамбургеры, устрицы и сахарную вату. Позднее, уже на рассвете, там можно было подкрепиться копченой лососиной и яичницей-болтуньей, английскими завтраками, копченой селедкой и кеджери[11 - Жаркое из риса, рыбы и пряного порошка карри.]. Никаких очередей, никто не спрашивал деньги. Все предлагалось бесплатно (как бы).

– Спасибо тебе за то, что вывел меня на бал, – сказала я, взяв Тима под руку, когда мы пошли назад, к Саду ученых. А про себя подумала: «Я приняла верное решение прийти сюда». Ведь только так можно познать, что представляет собой жизнь Кембриджа, разве нет? По крайней мере, я познала ее, пусть и бегло.

Первой по пути назад мы встретили ту самую девицу с плечами гребчихи, которая подходила ко мне в комнате Тима. Она была пьяна и все норовила оторвать меня от Тима, пока он разговаривал с ее спутником.

– Как он тебе? – полюбопытствовала девица, крепко схватив меня за руку.

– Кто? Тим? – переспросила я, стараясь удержаться возле него. Но «гребчиха» была сильней и увела меня в сад. У меня не было желания поднимать шумиху.

– Я только хочу тебя предупредить, – заявила девица. – Тим не закрывает глаза, когда трахается; он смотрит на рот партнерши, пытаясь уловить ее стоны. По первой это может сильно смущать.

– Мне пора возвращаться, – сказала я, бросив через плечо взгляд на Тима, все еще болтавшего с ее кавалером.

– Это ведь твой первый бал, да? – спросила девица, еще крепче сжимая мне руку.

– Ты делаешь мне больно.

– Ох, простите. Какие мы нежные! – ухмыльнулась «гребчиха», немного ослабив хватку. – Тим любит усыплять бдительность. Но после ужина и до выступления ведущей группы он непременно потребует от тебя компенсации своих расходов.

– Вовсе нет, – возразила я. Мне хотелось побыстрей отвязаться от нее, но эта девушка была намного сильнее меня.

– И ему нравится жесткий секс. В дальнем конце Сада студентов есть одно укромное местечко. Чуть подальше от плавучего казино. Он всегда водит именно туда. Так что настройся. Тогда будет не так больно. И не забывай шевелить губами, когда будешь стонать.

Произнося последние слова, «гребчиха» зверски искривила свои губы, наглядно демонстрируя, как ими шевелить, а потом облизала их языком.

– Все в порядке? – поинтересовался Тим, когда я вернулась к нему. И слегка приобнял меня за плечи. – Ханне не удалось тебя сбить с пути истинного?

Я выдавила из себя подобие улыбки, а Тим обменялся многозначительными взглядами с «гребчихой», только что применившей ко мне болевой борцовский прием.

И мы вчетвером пошли в столовый павильон. После дегустации там морского окуня и выбранных Тимом вин моя голова пошла кругом. (Хотя, может быть, виной тому были «московские мулы», выпитые мной еще до бала.) И тут-то Тим предложил мне прогуляться к плавучему казино. Мой живот предательски заурчал. А Ханна, сидевшая по диагонали напротив меня и потягивавшая вино, в наигранном недоумении приподняла брови.

В своих мыслях я допускала только невинный чмок на танцплощадке на рассвете (и то лишь в случае сильного опьянения). Ничего больше! И до этого момента Тим вел себя как истинный джентльмен. Так что у меня не было оснований

подозревать его в желании получить от меня что-то еще, если бы не предостережения Ханны.

По дороге в Сад студентов рука Тима соскользнула с моих плеч на поясницу. «Это потому, что я нетвердо держусь на ногах и он не хочет, чтобы я оступилась и упала», – мысленно успокоила я себя.

В саду все парочки лежали на ковриках под деревьями. Некоторые из них все еще бодрствовали, другие уже вырубились. Ханна со своим кавалером отстали от нас – пошли кататься на лодке при лунном свете.

– Роза, перед тем как спускать в рулетку свое семейное наследство, мне нужно проветрить голову, – сказал Тим. – Может быть, мы погуляем вдоль реки?

Мне совсем поплохело. «Ты просто самодовольная овца», – подумала я. А Ханна фантазерка, она преследует свои собственные цели, скорее всего из зависти. Я посмотрела на красавчика Тима – его белый галстук под воротничком-стойкой со скошенными углами все еще оставался безукоризненно чистым. Потом окинула взглядом лампочки на деревьях, отражение луны в реке, кембриджскую золотую молодежь во всем ее привилегированном великолепии.

Отец, похоже, все это любил – за эфемерность: промежуток времени, полный юношеских надежд, наивных амбиций и безмятежности до того мгновения, когда ты делаешь шаг в большой мир и обнаруживаешь, что в нем нет ничего настоящего, ничего реального.

Почему я не могу наслаждаться своей жизнью в Кембридже? Как все остальные? Видит Бог, я старалась. Но тщетно. Что-то внутри меня отторгает такую жизнь. А с ней все радости и развлечения. И дай Бог – мой отец поймет, почему. Я искренне на это надеюсь.

– Подожди здесь, – сказала я Тиму. – Я вернусь через минуту.

Закончив читать, Джар снова набил в поисковике Google два слова: «Кирстен Томас». Перед очередной встречей с психотерапевтом он хотел убедиться в том, что, ранее просматривая информацию о Кирстен, не упустил ничего важного.

Кирстен Томас была достаточно квалифицированным психоаналитиком-фрейдистом, получившим лицензию Американского совета по психиатрии и неврологии после четырехлетней ординатуры в Медицинской школе при Университете Южной Каролины. Судя по свидетельствам и рекомендациям на веб-сайте Совета, приемные кабинеты на Харли-стрит, в которых она практикует, ориентированы в основном на американцев в Лондоне. Сама Кирстен приехала в Британию год назад.

Встав со стула, Джар потянулся, почти касаясь руками стен гаража: «Интересно – а Розин психотерапевт все еще работает в ее колледже?» В разговорах с Джаром Роза никогда не упоминала о том, что обращалась к кому-либо за помощью (в этом-то и была вся загвоздка). Не говорила она ему и о том, что доктор Лэнс проявлял к ней участие, беспокоясь за ее «счастье». Что ж – если так, тем лучше. Враждебность Джара по отношению к колледжу Св. Матфея, который он всегда считал средоточием бессердечности, равнодушия и халатности, теперь несколько ослабла.

Но на сайте колледжа не фигурировали никакие психоаналитики. Наоборот, студентам рекомендовалось при необходимости обращаться к своим педагогам, либо к священникам, медсестрам или социальным работникам при колледже. При университете работал пункт доверия, но Роза упоминала именно колледжного психотерапевта. Разница вроде бы несущественная, но Джар не мог избавиться от мысли, что это важно.

Выключив компьютер и заперев на засов дверь гаража, Джар вернулся в свою квартиру. Перед тем как войти в дом и вызвать в лифт, он бросил взгляд на улицу. Его ощущение слежки только усилилось после возвращения из Кромера. Хотя Джар уверял себя: его гараж никто не обнаружил. Смириться со взломом квартиры ему было легче: ведь те люди приходили в поисках каких-либо свидетельств о Розе и результатов его розысков, но ничего не нашли. Впрочем, Джар был уверен, что они еще вернутся за жестким диском.

И он также понимал, что должен пойти на работу. Хотя бы потому, что лимит его отговорок и отмазок исчерпан и его могут попросту уволить. Обычно Джар любил утром в понедельник послоняться по своей квартире, распаковать

пришедшие посылки с книгами, разгадать зашифрованный кроссворд, проверить свой рейтинг на Amazon. Но теперь, после взлома, он больше не чувствует себя в безопасности в собственной квартире, и ему не хочется там задерживаться.

Джар появился в офисе перед самым ланчем. (Он настолько припозднился, что эскалатор, еще пару часов назад энергично поднимавший пассажиров подземки наверх, уже находился в режиме ожидания.) При виде Джара лицо Карла расплылось в довольной улыбке. И еще большее удовольствие появилось на лице друга, когда Джар рассказал ему о своем утреннем визите к Кирстен.

– Там нет кушетки, – сказал он, собираясь возобновить работу над статьей о списке отобранных кандидатов на еще одну литературную премию. (Статьи о первоначальных списках кандидатов, представленных к отбору, даются ему хуже: из-за всех этих гиперссылок, – полагает Джар.)

– Бьюсь об заклад, ты был готов из штанов вылезти, чтобы ей понравиться, – проговорил Карл. – Небось пустил в ход все свое красноречие!

– Только ради нахождения общих позиций.

– Да-да, конечно! Надеюсь, она тебе поможет.

– Спасибо! Правда, спасибо! – сказал Джар, борясь со своим компьютером. – У тебя были сегодня проблемы с входом в систему?

– Да нет, комп тормозил так же, как обычно.

Джар давно привык к тому, что офисные компьютеры часто глючат, но он никогда прежде не видел такого оповещения: «Этот аккаунт уже используется». Джар прочел это вполголоса, но достаточно громко, чтобы услышал Карл. Друг знает о таких вещах все. Наклонившись над своим столом, он кидает взгляд на монитор Джара и тут же спрашивает:

– Может, ты залогинился с удаленного компа дома, а потом забыл выйти?

– Я никогда не вхожу в систему в нерабочее время, Карл. Из принципа. Я даже не уверен, что знаю, как это делается.

Карл поднялся и встал за клавиатурой Джара, быстро перебирая пальцами. Он отключил веб-приложение и зарегистрировался, используя стандартный офисный логин для входа в систему.

– Это точно твой ID, – сказал Карл. – Комп в порядке. – Он снова вышел из системы. – Попробуй-ка теперь.

Джар ввел свой логин и пароль, но на экране высветилось то же самое оповещение.

– Ты уверен…

– Я уверен.

– Тогда я предлагаю тебе позвонить в службу поддержки. Похоже, кто-то получил доступ к твоему аккаунту.

– Ты это серьезно?

– Скорее всего, ничего страшного, просто какой-то глюк. А может, руководство читает твою электронную почту. Такое случается.

Кита из службы технической поддержки всегда больше интересовало поедание конфет, чем проблема Джара. Слушая Джара, он продолжал играть в «Конфетную сагу», а потом посоветовал воспользоваться доступом через корпоративную сеть.

– Я уже пробовал, – сказал Джар, буравя Кита глазами. – Я сижу рядом с Карлом.

Упоминание о Карле разом все поменяло. Карл знал об информационных технологиях больше, чем весь отдел информационных технологий.

– Какой у тебя логин? – спросил Кит, свертывая окно с игрой и открывая окно входа в корпоративную сеть.

– ДжарлафК.

– А пароль?

– Что, так прямо взять и сказать его вам?

– Ты хочешь, чтобы я все отладил или нет?

– Роза081192, – проговорил Джар тихо.

В глазах Кита вдруг вспыхнул интерес. Не сводя взгляда с экрана монитора, он протянул руку к телефону и набрал добавочный номер.

– Похоже, сирийцы снова в городе, – сообщил он в трубку.

И попросил Джара пройти с ним в ту часть офиса, о существовании которой Джар раньше и не подозревал: вниз, в лабиринтообразное, тускло освещенное подвальное помещение рядом с почтовым отделом, без окон и со спертым воздухом. «Вот где, оказывается, манкируются наши просьбы о технической поддержке», – думал Джар, разглядывая ряды терминалов и болезненно-бледные лица людей, сидящих за ними.

Кит и еще двое парней прилипали к одному из терминалов.

– ДжарлафК, – диктовал Кит парню с клавиатурой и поворачивается к Джару: – Пароль повтори!

Но Джару не хотелось озвучивать его во всеуслышание:

– Я сам наберу.

Троица айтишников неохотно расступилась, а Джар наклонился вперед и ввел: «Роза081192». Он прекрасно понимал, что ребята видят, какие клавиши он нажимает, но так его недоверие немного притупляется.

– И кто эта «Роза» в реальности? – спросил Кит.

– Не забудь ее день рожденья, – бросил со смешком кто-то другой.

Джар проигноровал их реплики. Все его внимание было приковано к экрану. А на нем светилось все то же оповещение: «Этот аккаунт уже используется».

– Ты действительно не заходил в систему где-нибудь еще? – спросил Кит.

Джар уже был готов ответить, как вдруг в разговор вмешался еще один айтишник за другим монитором, слева от него:

– Он тут ни при чем. IP-адрес фиксируется американский.

– Сирийцы – мастаки в спуфинге, – проговорил Кит Джару. А затем, обращаясь уже к одному из своих коллег, добавил: – Многовато для твоих новых пакетных фильтров, Радж.

«Почему со мной рядом нет Карла! Он бы мне перевел, что говорят эти ребята», – пожалел Джар. Не далее как на прошлой неделе друг рассказывал ему о группе хакеров, называющих себя «Сирийской электронной армией» и симпатизирующих Башару Асаду; их мишенями служат компьютерные системы различных британских информационных организаций. Но ведь у него вроде бы личный компьютер. А от того, что происходит потом, у Джара и вовсе пересыхает во рту.

– Это же мой почтовый ящик, – сказал он, глядя на экран, на котором теперь отображается его рабочая электронная почта. – Как вы сумели войти в него?

– Это не мы, – сказал Кит. – Мы можем лишь наблюдать, что они делают, но мы не можем выйти за них из системы. До тех пор, пока не заблокируем доступ к корпоративной почте всем пользователям компании.

– И что они делают? – спросил Джар.

– Пытаются удаленно подключиться к твоему рабочему почтовому аккаунту, чтобы просмотреть твою переписку.

– Это законно?

Айтишники дружно фыркнули. «Может быть, они и сами занимаются все дни только тем, что просматривают сообщения сотрудников компании друг другу с критикой в адрес руководства?» – мелькнуло в голове у Джара. «Надо быть поаккуратней с этим отделом».

– Может, нам разослать групповое оповещение? – предложил Кит.

– Это не сирийцы, – сказал Рей.

Джар смотрел на экран, на котором теперь отображаются его отправленные сообщения: рабочие записки Карлу, редактору, другим коллегам и фрилансерам вперемежку с сотнями посланий доктору Лэнсу и Эми, и письмами в Управление уполномоченного по вопросам информации, Королевское национальное общество спасения на водах, службу береговой охраны Кромера, Британское бюро по розыску пропавших и даже в МИД. «Интересно, кто-нибудь в этой комнате обращает на них внимание?» – думает Джар. Ну, даже если и обращает, что из того? Большинство людей используют свой рабочий почтовый ящик для нерабочей переписки! Курсор начинает прокручивать страницу вниз, а потом резко перемещается в верхний правый угол – кто-то выходит из почтового ящика, а затем и из учетной записи Джара.

– Ага, эти гаврики раскусили, что мы наблюдаем за ними, – сказал Кит так, будто это он заставил врагов ретироваться.

– А мы знаем, кто они? – поинтересовался Джар.

– Агентство национальной безопасности, – предположил Кит в расчете на дешевый эффект. – Пожалуй, тебе стоит завести новую подружку!

16

Кембридж, летний триместр 2012 г. (продолжение)

Я задумала пойти прямо в домик привратника, отметить у него свой уход с бала и отправиться к Джару. Я понимала, что поступаю неправильно – ни по отношению к Тиму, намерения которого были исключительно честными, насколько я могла судить, ни по отношению к Джару, который не нуждался в моем возвращении в свою жизнь в два часа ночи. Но я старалась жить и поступать искренне, пока могла. Не важно, как мало времени мне осталось.

С Первого двора слетела всякая цивильность: двое парней с глумливыми шуточками качали над фонтаном шампанского податливое тело какой-то студентки. Пьяная девица уже давилась шипучим напитком, но все равно продолжала пить и при этом выгибала свою голову так, что ее груди вылезали из выреза платья наружу.

За несколько шагов до домика привратника я наткнулась на Ника, которого в последний раз видела курящим кальян на пару с Фиби. С глазами, широко раскрытыми от страха, он выглядел обезумевшим.

– Роза, ты не видала Фиби? Я нигде не могу ее найти.

Я никогда не видела Ника таким взволнованным; мне и в голову не приходило, что он так сильно переживает за нее.

– Где ты ее видел в последний раз? – спросила я, глядя на домик привратника.

– Во Втором дворе. Она собиралась прогуляться в Саду студентов. Я хотел наполнить наши бокалы и попросил ее подождать. Но, когда я вернулся, она уже куда-то делась. Это было полчаса назад.

– Она выглядела немного…

– Ох, Роза! Сегодня вечером Фиби была сама не своя. Потеряла свой талисман. Все время нервничала и вздрагивала, словно страшилась чего-то. И то и дело отпускала какие-то странные замечания. Ты поможешь мне ее разыскать?

Я не хотела возвращаться в Сад студентов и сталкиваться там с Тимом, но просто взять и уйти, оставив Ника в таком состоянии, тоже не могла.

– Ладно, – сказала я, заметив, что ноги уже сами понесли меня назад.

Как только мы с Ником вошли в Сад студентов, нам обоим сразу стало понятно: что-то случилось. В дальнем углу сада царила суматоха; мимо нас с Ником пробежали два охранника с портативными рациями.

Вместе с группой других любопытных студентов мы последовали за ними. Как это странно, когда ты понимаешь, что произошло что-то ужасное еще до того, как получаешь эмпирические доказательства этому. Возможно, что-то витает в воздухе, возможно, это металлический привкус во рту. Гирлянды на ветвях деревьев над нами уже не казались игривыми и манящими; а жаровни вокруг вдруг как-то грозно накалились.

У стены в самом конце сада – там, где не было фонарей, – собралась приличная толпа. Трава там вся была истоптана. Мы с Ником подходили все ближе, а люди, пришедшие раньше нас, расходились, зажимая рты руками. Паники не было; только оцепенелая тишина обволакивала сад, как тяжелый туман. Инстинктивно я потянулась к Нику и взяла его под руку.

– О, Господи! Господи!» – беспрестанно шептал он. С того места, где мы остановились, я ничего не могла рассмотреть. Но Ник выдернул свою руку из моей и направился вперед, продираясь через толпу зевак и не обращая внимания на окрики охранника, уже разгонявшего собравшихся людей: «Все назад! Пожалуйста, отойдите назад!»

А потом я увидела ее – на дереве слева от нас. Фиби с безвольно поникшей головой свисала с его нижней ветви. Она двигалась, но только потому, что один из охранников, схватив девушку за ноги, вокруг коленей, поддерживал ее тело, пытаясь ослабить веревку вокруг ее шеи.

Я больше не могла выдержать это зрелище. Ник бросился помогать охраннику. Я расслышала, как он сказал:

– Кто-нибудь, пожалуйста, вызовите «скорую»!

Но было уже слишком поздно. И похоже, это понимали все – все, кроме Ника.

Упав на колени, я стала молиться. Но никак не могла сосредоточиться – глаза вглядывались в лица вокруг. Молчание, неверие, слезы…. «Вот, как воспринимают это те, кто остается здесь», – подумалось мне.

Я не хочу, чтобы моя собственная кончина походила на смерть Фиби, ломая жизни другим людям. Но у меня не осталось выбора.

17

– Вам приятно, когда вы видите Розу? – спросила Кирстен, сидя за своим столом.

– Меня это расстраивает.

Джар сидел на софе у окна в кабинете Кирстен на Харли-стрит, и их первая официальная утренняя консультация давалась ему нелегко. Вчерашний инцидент с его рабочим почтовым аккаунтом не на шутку встревожил Джара. После работы он пошел с Карлом кутнуть и выпил слишком много для вечера понедельника. И сейчас его глаза нестерпимо болели от дневного света.

– Вы пытаетесь с ней заговаривать? – спросила Кирстен.

– Когда я вижу ее?

– Люди во время галлюцинаций обычно тянутся к своим любимым и пытаются вступить с ними в разговор. Это нормально.

– Иногда, да, пытаюсь.

– Вы можете мне рассказать об этом?

Джар молчал, прислушиваясь к звукам на улице: тарахтящему гулу проезжающего мимо мопеда, затухающей полицейской сирене. У него не было времени обдумать то, что случилось на пирсе, когда Роза стояла на перекладинах ограждения. Джар прикрывает свои воспаленные глаза и

мысленно переносится в другое время – когда он видел Розу у моря.

– Я жил тогда у друга семьи в Клеггане[12 - Рыбацкая деревушка в графстве Голуэй в Ирландии.], на побережье Коннемары[13 - Коннемара – живописный национальный парк на западном побережье Ирландии.]. Едва забрезжил рассвет, я пошел прогуляться к мысу Клегган-Хед, чтобы полюбоваться видом на залив и острова, вырастающие из моря словно гигантские кувшинки. Помню, что в какой-то момент почва под ногами стала топкой. Именно тогда я и увидел Розу своим боковым зрением. Она шла слева от меня, совсем рядом. Я решил не оборачиваться и не смотреть на нее, испугавшись, что она исчезнет. Мне было приятно, что она со мной. Да, приятно, я в этом уверен. С поминальной службы прошло всего несколько недель, и я все еще чувствовал острую, невыносимую боль.

– Что вы ей сказали?

– Роза заговорила первой, припомнив мне слова, сказанные вскоре после нашего знакомства в Кембридже. Я назвал себя «деревенщиной» – то есть, человеком, который не живет в Дублине и поведение которого выходит за рамки приличий. «Кульчи»[14 - В Ирландии: пренебрежительное прозвище сельских жителей, используемое горожанами.]. Роза тогда рассмеялась, сказала, что раньше никогда не слышала такого выражения.

– И что именно она произнесла?

– Это было после того, как я поскользнулся в грязи. «Неуклюжая деревенщина! Кульчи! – пошутила Роза. – Тебе не надо было сюда переезжать!» – «Тогда бы мы никогда не встретились с тобой», – ответил я. После этого Роза не произнесла больше ни слова, хотя я и пытался продолжить с ней разговор. Помнится, я спросил тогда, что она думает о музыке, которую мы выбрали для ее поминальной службы. Мы вышли из церкви под песню «Как прекрасен этот мир».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пер. Анны Блейз.

2

Персонаж драмы Г. Ибсена «Дикая утка». – Здесь и далее примеч. пер.

3

Один из старейших пабов в Кембридже.

4

Живописная деревушка на реке Кам в графстве Кембриджшир, недалеко от Кембриджа.

5

Джон Миллингтон Синг (1871–1909) – ирландский драматург, один из крупнейших деятелей национального возрождения Ирландии.

6

Шеймас Джастин Хини (1939–2013) – ирландский поэт, эссеист, переводчик англосаксонского средневекового эпоса «Беовульф», удостоенный Нобелевской премии «за лирическую красоту и этическую глубину поэзии, открывающую перед нами удивительные будни и оживающее прошлое».

7

Villagers – ирландская фолк-группа, созданная Кононом О’Брайеном.

8

Майкл Вест – британский джангл-продюсер, диджей и музыкант, нареченный Рас Тафари в знак приверженности растафарианскому учению.

9

Британский актер ирландского происхождения; восьмикратный номинант «Оскара»; обладатель четырех «Золотых глобусов», премий BAFTA и «Эмми».

10

Коктейль, состоящий из имбирного пива, сока лайма и водки со льдом; названием этот напиток, возможно, обязан своей крепости.

11

Жаркое из риса, рыбы и пряного порошка карри.

12

Рыбацкая деревушка в графстве Голуэй в Ирландии.

13

Коннемара – живописный национальный парк на западном побережье Ирландии.

14

В Ирландии: пренебрежительное прозвище сельских жителей, используемое горожанами.

Купить: https://tellnovel.com/ru/monro_dzh/naydi-menya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить